

**ВСЕРОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ФАКУЛЬТЕТ**

И. Л. ЛЁЗОВ

**РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ
(1922 – 1940 гг.)**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Москва 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Советский суд в период нэпа.	4
§1. Организационная и законодательная подготовка судебной реформы.	4
§2. Основные проблемы организации и функционирования советской судебной системы в условиях новой экономической политики.	13
Глава II. Завершение формирования советской судебной системы.	42
§1. Дискуссия конца 20-х - начала 30-х годов об основных принципах судоустройства и судопроизводства в СССР и ее значение.	42
§ 2. Основные изменения, произошедшие в советской судебной системе в 1930-е годы.	54
§3. Деятельность судов в 30-е годы.	70
Приложение.	84
Литература	108

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа представляет собой продолжение учебного пособия, изданного во Всероссийской Академии Внешней Торговли в 2003 году под названием «Становление судебной системы Советского государства». Общая тема двух исследований – история советского суда, в которой, как в зеркале, отражается история советского государства и права, со всеми ее противоречиями, колебаниями и резкими поворотами. Эта история похожа на бурную реку. Студенты-первокурсники часто говорят мне, что изучать советскую историю намного сложнее, чем историю дореволюционную (ведь того количества революционных перемен, которые произошли у нас за семьдесят лет, для любой другой страны хватило бы на несколько столетий). Всё это действительно так. И если продолжать сравнивать историю с рекой, невольно возникает ещё одна ассоциация: река не течёт в ту или иную сторону по своему собственному желанию, она не выбирает направление по своей собственной воле или по воле какого-либо человека. Так же и история развивается не по воле вождей или героев. У исторического процесса есть свои объективные причины, некоторые из которых изначально очевидны, а некоторые становятся понятны только по прошествии очень длительного промежутка времени.

В книге будут проанализированы два исторических периода. Первый из них – период новой экономической политики, второй – 1930-е годы, ставшие временем укрепления государственности и пересмотра многих догм марксизма-ленинизма, казавшихся доселе незыблемыми.

Переход государства к нэпу был вызван необходимостью восстановить практически полностью разрушенное в годы гражданской войны народное хозяйство. Именно нэп стал причиной проведения судебной реформы 1922 года, рассматривавшейся высокопоставленными деятелями советской юстиции как одно из условий успешного и контролируемого развития товарно-денежных отношений. Свертывание же нэпа в конце 1920-х годов моментально создало предпосылки к отходу от тех позиций, которые были выработаны в ходе судебной реформы. И, наконец, проводимый в 30-е годы партией курс на всемерное укрепление государства и права способствовал централизации судов в рамках СССР и приданию стабильного характера всей судебной системе, в результате чего она смогла функционировать практически в неизменном виде вплоть до 1991 года.

Исследование не носит и не может носить всеобъемлющего характера. Оценки различных процессов и явлений, данные в работе, не претендуют и не могут претендовать на истину в последней инстанции хотя бы потому, что любая наука, в том числе и историко-правовая, характеризуется нескончаемым процессом накопления нового, не известного ранее, фактического материала, на основании изучения которого со временем рушатся старые гипотезы и схемы.

Автор будет рад, если данное учебное пособие поможет Вам по-новому взглянуть на некоторые реалии советского периода, более глубоко вникнуть в суть истории судебной системы и, может быть, на страницах курсовых, дипломных или диссертационных работ выразить своё мнение, свой взгляд на рассматриваемые здесь проблемы.

ГЛАВА I. СОВЕТСКИЙ СУД В ПЕРИОД НЭПА.

§1. Организационная и законодательная подготовка судебной реформы.

В марте 1921 года на X съезде партии В. И. Лениным были провозглашены основные принципы новой экономической политики, предполагавшей частичное внедрение рыночных отношений в хозяйственную систему Советской России. Это событие оказало огромное влияние на дальнейшее развитие отечественного государства и права. Нэп был вынужденной и временной мерой, к которой правительство обратилось по ряду причин. В целом же все они сводились к тому, что проведение без изменений прежнего курса государственной политики не только не могло привести к достижению конечной цели революции - построению социализма, но и способно было вызвать большие потрясения, грозящие катастрофой.

Гражданская война существенно подорвала экономику страны, и, в первую очередь промышленность. Общий объем промышленного производства в России в период с 1917 по 1921 год снизился на 96 (!) %.¹ Ее скорейшее восстановление становилось первоочередной задачей, решить которую представлялось невозможным без некоторых изменений во внутренней политике.

Сложная экономическая ситуация привела к резкому снижению

---

¹ Голубев В. А., Найда С, Ф. Гражданская война и военная интервенция 1918 - 1920 годов в России. / БСЭ. 3 изд. Т. 7. М., 1972. С. 234.

жизненного уровня народа. Логичным следствием такого положения дел стали забастовки в крупнейших городах страны, в том числе, в Петрограде - “колыбели революции”. Недовольство крестьян prodразверсткой выливалось в непрекращающиеся крестьянские восстания, которые, по мнению Ленина, в данный период “составляли всю картину России”.² Русской “Вандеей” грозила стать Тамбовская губерния, для умирения которой властям пришлось прибегнуть к помощи регулярных воинских частей.

На курс правительства в данный период повлиял еще один немаловажный факт: в течение первых четырех лет после Октября так и не началась мировая революция, в которую очень верили большевики. В. И. Ленин, обосновывая необходимость введения нэпа, писал: “Пока нет революции в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко ... миллиардами поступиться из наших необъятных богатств, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма.” В этих условиях новая экономическая политика, провозглашавшая ряд уступок капиталистическому способу производства, являлась наиболее целесообразной мерой, способствовавшей выходу России из кризиса. Конкретно эти уступки выразились в восстановлении товарно-денежных отношений, в разрешении иметь в частной собственности мелкие предприятия и использовать на них наемный труд в ограниченных пределах, в привлечении иностранных инвестиций для восстановления хозяйства.

Вхождение в нэп ставило перед государством ряд задач, решение которых достигалось лишь с помощью права как регулятора общественных отношений. К этим задачам можно отнести налаживание гражданского оборота; обеспечение правовых гарантий предпринимательской деятельности; предоставление гражданам личных гарантий от произвола со стороны государственных органов и от посягательств со стороны преступного мира. Развитие товарно-денежных отношений требовало отмены ограничения денежного обращения. Перевод предприятий на хозрасчет предполагал выделение хозяйственных комплексов из общей массы государственного имущества и признания за ними известной самостоятельности. Наконец, капиталисты западных стран, инвестиций которых добивалось правительство, готовы были предоставить свои капиталы лишь при одном условии: оно заключалось в стабилизации правоприменительной практики на основе принципа законности, то есть на основе жесткого следования нормам позитивного права.

---

² Ленин В. И. Сочинения. 1 изд. Т. XVIII. Ч. 2. С. 93.

Таким образом, в 1922 году страна стояла перед необходимостью проведения правовой реформы. Именно нэп явился ее причиной.

Сущность реформы можно свести к двум основным направлениям. Это утверждение принципа законности и создание сети правоохранительных органов, основной функцией которых стала бы защита прав граждан. Советское законодательство в данный период все настойчивее и настойчивее занимает место основного источника права, практически вытесняя из отечественной правовой системы феномен "революционного правосознания судей".

Необходимость стабилизации общественных отношений потребовала принятия большого количества нормативных актов для ликвидации многочисленных "белых пятен" в законодательстве. Большая их часть самым непосредственным образом влияла на деятельность судебных органов.

Так, Декрет Совнаркома "Об ограничении прав по судебным приговорам"³ уже содержал подробный перечень составов уголовных преступлений. Именно в этом документе впервые в советском законодательстве в числе уголовно наказуемых деяний упоминалась кража. До мая 1921 года лица, совершавшие подобные правонарушения, привлекались к ответственности на основании революционного правосознания, а в некоторых случаях защитникам даже удавалось снять всякое обвинение с воров лишь на том основании, что советская власть не определила до конца своего отношения к собственности как к охраняемому объекту.

В июне 1921 года ВЦИКом и Совнаркомом был совместно принят Декрет "О мерах по борьбе с хищениями с государственных складов"⁴, устанавливавший повышенную уголовную ответственность за подобные деяния (хищение государственного имущества при отягчающих обстоятельствах наказывалось смертной казнью). Отсюда видно, что корыстная преступность становится в данный период времени одной из основных сфер внимания законодателя. Повышенный интерес государства к данной области преступной деятельности был вызван практикой. В отчете по Петроградскому губернскому отделу юстиции за второе полугодие 1921 года говорилось: "Сокращение штатов, недостаток денежных знаков, введение платности услуг и целого ряда налогов привели к небывалому увеличению корыстных преступлений - краж, разбоев, взяточничества"⁵. Рост корыстной преступности стал одним из неизбежных

---

³ СУ РСФСР. 1921. № 39. Ст. 209.

⁴ СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262.

⁵ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 52. Л. 211.

следствий введения новой экономической политики и требовал адекватного противодействия со стороны правоохранительных органов.

Осенью 1921 года ВЦИК принял ряд актов об амнистии. В соответствии с Декретом от 3 ноября 1921 года под амнистию попадали лица, участвовавшие в белогвардейском движении в качестве рядовых солдат.⁶ Подобный жест советского правительства явно свидетельствовал о смягчении политики по отношению к людям, вовлеченным помимо их воли в круговорот гражданской войны и зачастую не имевших вообще никаких политических убеждений.

Нормализации деятельности органов по борьбе с преступностью очень способствовал Декрет “О наказаниях за ложные доносы”⁷, вносивший изменения как в уголовное право, так и в уголовный процесс, и определенным образом защищавший советских граждан от ложных наветов и возможности несения незаслуженной кары благодаря действиям неграмотного судьи, принимающего в расчет лишь свое революционное правосознание.

Еще большее значение имела проводимая с 1922 года кодификация, в ходе которой, несмотря на противодействие отдельных работников юстиции, видевших в ней олицетворение “буржуазного понимания закона”⁸, были приняты кодексы практически во всех важнейших отраслях права.

26 мая 1922 года в РСФСР был принят первый Уголовный Кодекс⁹. Общая его часть содержала основные теоретические понятия уголовного права; Особенная часть указывала признаки конкретных составов преступлений с четким определением санкций.

Данный документ в историко-правовой литературе оценивается неоднозначно. В качестве одного из главных недостатков УК обычно признается содержание статьи 49, предусматривавшей наказание для лиц, хотя ничего противозаконного и не совершивших, но признанных “социально опасными”. Достаточно трудно высказать однозначное суждение по данному вопросу. Ясно, что подобная норма не укладывается в современное понимание правосудия. Однако, будучи привязанной к конкретно-историческому моменту ее принятия, норма эта может быть признана и вполне целесообразной, направленной на наиболее полное удовлетворение государственных интересов в условиях классовой борьбы и роста преступности.¹⁰

---

⁶ СУ РСФСР 1921. № 74. Ст. 611.

⁷ СУ РСФСР. 1921. № 77. Ст. 639.

⁸ Стучка П. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931. С. 207.

⁹ СУ РСФСР 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁰ Подробнее см. Швеков Г.В. Первый советский Уголовный Кодекс. М., 1970.

Критику со стороны современных криминологов нередко вызывает также статья 10 кодекса, предусматривавшая возможность использование судьёй аналогии закона при определении преступности деяния. В данной статье было дословно закреплено следующее: "В случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статьям Уголовного кодекса, предусматривающим наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением общей части сего кодекса."

Анализируя данные нормы УК, следует всё же сказать, что их применение на практике весьма ограничивалось. В этой связи очень интересным документом является Циркуляр № 50 Московского областного совета народных судей от 3 июля 1922 года. В нём говорилось, что "все суды области обязаны высылать копии приговоров по всем делам, по которым применялись статьи 10, 28, 49 УК в трёхдневный срок для проверки обоснованности использования указанных статей в Совнарсуд".¹¹ Данный пример не единичен. Он отражает общую практику во всех регионах страны.

Более того, в декабре 1922 года тот же Московский областной совет народных судей в решении по одному из рассмотренных уголовных дел определил, что применение статей 48 и 49 Уголовного Кодекса возможно лишь "при наличии определённого преступного деяния"¹²

Желание законодателя ни на йоту не отойти от провозглашённого в революционные дни принципа классовости, привело к приданию обратной силы действия всем статьям Уголовного Кодекса. Весьма симптоматично содержание статьи 67, предусматривавшей уголовную ответственность за деяния, считавшиеся не только законными, но и общественно полезными в момент их совершения: "Активные действия и активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных должностях при царском строе, караются..." Наказанием за подобные действия было лишение свободы на срок не менее 3 лет.

В целом же Уголовный Кодекс, несмотря на все нюансы его содержания, явился большим шагом вперёд в развитии советского права. Принятие этого документа не только позволило поставить борьбу с преступностью на качественно новый уровень, но и оказало огромное влияние на дальнейшее

---

¹¹ Московский областной суд. 1922 – 1924. М., 2002

¹² Там же.

развитие теории уголовного права, что также представляется немаловажным.

Другой сферой особого внимания государства стали частноправовые отношения. Еще летом 1921 года губернские отделы юстиции в издаваемых ими циркулярах указывают на необходимость готовности судей к большому наплыву гражданских дел в связи с изменением экономического курса государства. Нижестоящим судам предлагалось провести ряд мероприятий, которые могли способствовать скорейшему приспособлению судов к новым условиям, как-то “систематизация всего законодательства в области экономической политики, выделение особых “судей-цивилистов” для ведения исключительно гражданских дел”¹³ и т. п. Организационная работа, проводимая в данной сфере, требовала серьезного законодательного регулирования.

В 1922 году принимается и вводится в действие первый советский Гражданский Кодекс¹⁴, ставший основным документом, регулирующим общественные отношения в имущественной сфере. Нормы ГК носили классовый характер и являлись своего рода компромиссом, с одной стороны узаконивая предпринимательскую деятельность, а, с другой, - ставя ее в жесткие рамки дозволенного.¹⁵

Не вызывает сомнения то, что Гражданский Кодекс разрабатывался в расчете на его использование лицами, принадлежавшими к числу “новой буржуазии”, то есть рассматривался как акт “буржуазного права”¹⁶, защита которого со стороны государства не означала отхода последнего от принципов классовой борьбы и цели построения социализма.

Рассматривая гражданское законодательство периода нэпа, нужно отметить, что в начале 20-х годов интуитивная теория права, отстаиваемая Стучкой, Крыленко и прочими видными советскими правоведомы, получила свое развитие в работах М. Рейснера, поставившего ее на прочную классовую основу. Теперь теория исходила из утверждения, что каждому конкретному классу в рамках данного общества присуще его собственное право, целиком базирующееся на классовом правосознании. Именно с этой точки зрения проводилось и отраслевое деление, по которому, например, государственное право объявлялось

---

¹³ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 52. Л. 138.

¹⁴ СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

¹⁵ Подробнее см. Новицкая Т. Е. Кодификация гражданского права в Советской России. 1920 - 1922. М., 1989.

¹⁶ Наиболее полно указанные идеи отражены в работе Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л., 1925.

правом пролетариата, земельное право - правом крестьянства, а гражданское право - правом буржуазии. Такое узкое понимание роли гражданского права не могло не привести к определенным пробелам в Кодексе, восполненным впоследствии.

Все вышесказанное, конечно же, не исключает того, что первоначальный текст ГК стал важным подспорьем укрепляемой в стране законности и самым серьезным образом повлиял на деятельность судов.

Еще более важным для судебной деятельности документом, значение которого трудно переоценить, был УПК РСФСР, в котором нашли закрепление принципы советского уголовного процесса. Принятие УПК означало четкое закрепление в позитивном праве процессуальной формы уголовного преследования лица, обвиненного в совершении преступления, что само по себе являлось существенной гарантией от произвола со стороны государственных органов, осуществлявших карательную политику. Кодекс определил систему стадий уголовного процесса, дал перечень оснований для возбуждения и прекращения дел, строго регламентировал порядок проведения судебного заседания.

В ходе преобразований судебной системы РСФСР Уголовно-Процессуальный Кодекс подвергся изменениям. В 1923 году вышла его новая редакция, учитывавшая те важнейшие новшества, которые принесла с собой реформа.

Гражданско-Процессуальный Кодекс РСФСР стал основополагающим нормативным актом в сфере применения в суде норм гражданского права. В данном документе нашли свое отражение вопросы, связанные с порядком предъявления иска, процедурой судебного разбирательства, исполнением судебных решений и прочими институтами процессуального права, имеющими огромное значение для правоприменительной практики.

Таким образом, в 1921 - 1922 годах в нашей стране была в основном сформирована законодательная база, призванная способствовать успешному осуществлению новой экономической политики. На повестке дня стоял второй вопрос - о создании стройной системы правоохранительных органов, способных проводить в жизнь принятые законы.

Планомерное утверждение в советском государстве принципа законности естественно привело к пересмотру взглядов и правительства, и работников юстиции на местах на феномен революционного правосознания и на его место в системе руководящих основ судебной деятельности. Еще до введения нэпа

мнение об исключительной роли правосознания, господствовавшее на протяжении нескольких лет, стало подвергаться сомнению отдельными видными советскими юристами. Так, в 1920 году, отстаивая идею кодификации уголовного законодательства, Д. И. Курский писал: "... отсутствие законов в целых областях жизни и, в частности, отсутствие законов уголовных на место отмененных, и провозглашение источником уголовного права одного только свободного судейского усмотрения, создает весьма ненормальное положение, ибо оно крайне затрудняет борьбу с преступностью."¹⁷

И действительно, как показала практика, подобная ситуация в совокупности с крайне низким уровнем подготовки судейского корпуса приводила к целому ряду негативных последствий, таких как полное отсутствие какого-либо единства правоприменительной деятельности, вынесение различных приговоров за идентичные правонарушения, освобождение от уголовной ответственности отдельных лиц по причине их определенной классовой или партийной принадлежности.

И если в условиях "военного коммунизма" проблема места и роли революционного правосознания могла быть поводом для теоретических споров, переход к новой экономической политике моментально перенес ее в новую, практическую, плоскость, так как без однозначного ответа на вопрос: будет или нет в России единообразная, устойчивая правоприменительная практика, государство не могло рассчитывать всерьез на реализацию планов по выходу из кризиса.

Данный вопрос в числе прочих был вынесен Наркомюстом на рассмотрение губернских Съездов и Совещаний деятелей советской юстиции, проходивших в декабре 1921 - январе 1922 г., цель которых, главным образом, состояла в формулировании мнений мест по поводу основных мероприятий предполагаемой судебной реформы.

Общую позицию подавляющего числа губерний можно выразить следующим образом: основным руководством в деятельности судьи должна стать закрепленная в писаных нормативных актах воля государства; нарушение же буквы закона должно вести к отстранению судьи от должности с применением к нему юридических санкций.

"Ввиду того, - заявлялось в решении Совещания работников юстиции Череповецкой губернии, - что при новой экономической политике оплотом

---

¹⁷ Материалы НКЮ. М., 1920. Вып. 8. С. 7.

государственной жизни должна быть строгая законность, признать недостаточным внутреннее правосознание суда как основную правовую базу для назначения меры наказания.”¹⁸ Еще большую роль, по мнению Пензенских судей, правильное решение данной проблемы будет играть в отношении регулирования нарождавшихся гражданско-правовых отношений. “Если нет уверенности, - говорится в их постановлении, - что закон для всех обязателен, если суду мало верят, а против некоторых административных органов власти он бессилён, то никакая частнохозяйственная деятельность невозможна. Физическим и юридическим лицам нужны гарантии, без которых они не возьмут в аренду ни одного завода, не примут ни одной концессии, связанной с крупными затратами.”¹⁹

На Пензенском губернском Съезде деятелей юстиции высказывались и более резкие суждения, по понятным причинам не вошедшие в текст резолюции. Так, один из делегатов, выразил мнение многих своих коллег, заявив, что революционное правосознание - “это резина, которую можно растянуть и натянуть” и которой “явно недостаточно для осуществления правосудия.”²⁰

Пожалуй, особняком, в плане решения данного вопроса, стоит лишь резолюция Сопещания Председателей уездных бюро юстиции Новгородской губернии, настаивающая, видимо не без желания продемонстрировать свое полное согласие с проводившейся долгое время правительственной политикой, на “предоставлении суду права при решении дел руководствоваться социалистическим правосознанием не только в случае отсутствия необходимого декрета, но и в случае противоречия декрета новой экономической политике.”²¹

Позиция мест по поводу руководящих основ деятельности судебной системы вскоре была одобрена центром. IV Всероссийский Съезд деятелей юстиции однозначно определил, что именно закон должен отныне основным источником права. Перед юристами ставилась задача технического усовершенствования позитивного права, поднятия его на новый, более высокий уровень. Одним из способов решения этой задачи и стала кодификация, проводившаяся в рассматриваемый нами период.

Таким образом, можно согласиться с мнением Академика Трайнина, считавшего, что с 1922 года “правосознание практически перестает играть

---

¹⁸ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 18. Л. 194.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 17. Л. 157.

²⁰ Там же. Л. 137.

²¹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 18. Л. 10.

прежнюю роль одного из важнейших источников права.”²² Единственная возможность применения этого источника в период нэпа регламентировалась статьёй 4 Гражданско-Процессуального кодекса РСФСР. Смысл данной статьи сводился к тому, что суд, столкнувшись в ходе рассмотрения гражданского спора с явным пробелом в законодательстве, имел право решить вопрос на основании собственного правосознания. Как видим из приведённой выше нормы, использование революционного правосознания судей теперь не могло выходить за рамки гражданского процесса, а учитывая бурный процесс законотворчества в 1920-е годы, вообще теряло свою практическую значимость.

§ 2. Основные проблемы организации и функционирования советской судебной системы в условиях новой экономической политики.

Переход к мирному строительству требовал не только создания нового законодательства и не только утверждения писаного нормативного акта в качестве руководящей основы осуществления правосудия, но и гарантий соблюдения советских законов гражданами и государственными органами. Возникла необходимость образования системы органов, основной функцией которых стал бы надзор за законностью. В мае 1922 года член коллегии НКЮ Н. В. Крыленко внёс на очередную сессию ВЦИК проект Положения “О прокурорском надзоре”. До этого момента надзор за деятельностью правоохранительных органов осуществлял сам Наркомюст в соответствии с Положением “О высшем судебном контроле.” от 10 марта 1922 года.²³ НКЮ обладал в этой области рядом существенных полномочий, как то: отмена вступивших в законную силу приговоров, направление уголовных дел на новое расследование и т.д. Таким образом, органу управления предоставлялось право напрямую вмешиваться в деятельность судов. Но, думается, не это было главной причиной создания прокуратуры. Безусловно, авторы судебной реформы руководствовались в своих действиях не “теорией разделения властей”. В новых исторических условиях Наркомюсту было бы весьма затруднительно эффективно выполнять указанную функцию. И здесь создание такого органа, как прокуратура, оказалось не только целесообразным, но и необходимым.

Нужно отметить, что практически все губернские Съезды и Совещания

---

²² Трайнин А. 10 лет советского уголовного законодательства. / Право и жизнь. М., 1927. № 8-10. С. 37.

деятелей юстиции высказались за создание единой системы прокурорского надзора. В ряду вынесенных ими резолюций особняком стоит лишь решение II Съезда народных судей и следователей Омской губернии, заявивших, что "... введение института прокуратуры противоречит всему духу советского строя."²⁴ Появление подобной резолюции, видимо, объясняется преобладанием на Съезде радикально отрицательных взглядов на необходимость единообразия правоприменительной практики, а также невольными ассоциациями со старой, дореволюционной прокуратурой, возникавшими у выступавших делегатов.

Вокруг первого проекта Положения сразу же развернулась острейшая борьба. Суть ее, в основном, сводилась к вопросу о подчинении прокуратуры. Дело в том, что авторы проекта предусмотрели в нем наряду с прочим жесткую централизацию системы вновь создаваемых органов с вертикальным подчинением, что, по мнению некоторых членов ВЦИК явно нарушало права местной власти. Для урегулирования выявившегося противоречия была создана специальная комиссия, в которую вошли такие известные партийные деятели, как Рыков, Зиновьев, Каганович и Каменев. Все они высказались против того, чтобы прокуроры на местах были назначаемы только центром и подчинены только центру. Подобная позиция была последовательным проявлением старого подхода к праву, когда последнее определялось как правопорядок, создаваемый революционными массами на базе революционного правосознания. В результате родилась так называемая концепция "двойного подчинения прокуроров": по вертикали - центру в лице вышестоящего прокурора и по горизонтали - местному губисполкому.

В этот момент Ленин, из-за болезни не принимавший участия в работе сессии, но внимательно следивший за ее ходом, диктует знаменитое письмо "О "двойном подчинении" и законности".²⁵ Охарактеризовав вопрос о формировании и подчиненности прокуратуры как "первостепенный и наиважнейший", Ленин предложил перенести его на заседание Политбюро. Кроме того, в письме были предложены принципы организации прокуратуры, нашедшие впоследствии свое отражение в правовых нормах.

Ленин писал: "Законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая - всероссийская и даже единая для всей федерации советских республик". Далее Ленин подчеркивает, что никакой необходимости в

---

²³ СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 97.

²⁴ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 18. Л. 53.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45.

закреплении двойного подчинения прокуратуры нет, “так как прокурор никакой административной власти не имеет” и отвечает лишь за единообразное понимание законов в стране.

Ленинское письмо сыграло решающую роль в принятии проекта. 26 мая он был одобрен сессией ВЦИК, а через два дня стал действующим актом.

Согласно Положению о прокурорском надзоре²⁶, основными задачами прокуратуры были: осуществление общего надзора за законностью действий органов, учреждений, организаций и частных лиц путем опротестования незаконных актов и возбуждения уголовного преследования виновных лиц; надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия; поддержание обвинения в суде; надзор за порядком содержания заключенных под стражей.

Система прокурорских органов выглядела следующим образом: во главе ее стоял Прокурор республики, первоначально совмещавший этот пост с постом Народного комиссара юстиции. Он назначал и смещал губернских прокуроров, подчинявшихся только ему. Помощники этих прокуроров направлялись для работы в уезды.

Несколько иную картину представляли прокуратуры автономных образований. Здесь прокуроры республик назначались и смещались соответствующими исполнительными комитетами, а Прокурору РСФСР они подчинялись только по вопросам федерального права.

В литературе ведется дискуссия о том, какую же из функций возникшей в 1922 году советской прокуратуры нужно считать главной? Так, В. М. Курицын приходит к заключению, что таковым можно признать общий надзор за законностью.²⁷ В. П. Портнов придерживается иного мнения и выдвигает на первый план функцию борьбы с преступностью.²⁸ Думается, обе указанные задачи были чрезвычайно важны, и скорейшее решение их обоих дальнейшему успешному проведению правительством его курса. Не случайно и в своей практической деятельности работники органов прокуратуры уделяли одинаковое внимание обоим основным направлениям своей работы, тем самым способствуя укреплению законности в стране.

Подробная регламентация деятельности прокуратуры содержалась в

---

²⁶ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

²⁷ Курицын В. М. Переход к нэпу и революционная законность. М., 1972. С. 112.

²⁸ Портнов В. П., Славин М. М. Становление советской судебной системы. 1917 – 1922. М., 1992.

многочисленных Циркулярах НКЮ. Например, Временная инструкция губернским прокурорам от 29 июня 1922 года предусматривала конкретный механизм обжалования незаконных действий органов управления. Так, акты уездных органов обжаловались уисполкому; акты уисполкома и губернских органов - губисполкому, акты губисполкома - Президиуму ВЦИК через Прокурора республики.²⁹

В первые месяцы своего существования многие прокуроры, не до конца уяснив специфику стоявших перед ними задач, начали грубо вмешиваться в деятельность судов, вплоть до предъявления судебным учреждениям требований о даче разъяснений по поводу вынесенных приговоров. Нарушение компетенции часто было настолько явным, что Наркомюсту пришлось принять по этому поводу специальный циркуляр, провозглашавший, что “прокурорский надзор может лишь просить суд о чем-то, а отнюдь не требовать и даже не предлагать.”³⁰

В целях установления должной квалификации прокурорских работников вводилась проверка кандидатов на знание Конституции, нормативных актов, принципов судопроизводства и правил отчетности.

Контроль за деятельностью прокуратуры осуществлялся НКЮ, который проводил постоянную разъяснительную работу, направленную на сближение правоохранительных органов с массами, “чтобы каждый знал и понимал, что именно в лице прокурора он всегда имеет своего первого защитника.”³¹

Одним из основополагающих принципов как уголовного, так и гражданского процесса, по мысли законодателя, был принцип состязательности. Одной из главных мер, направленных на его более полное осуществление, было создание в 1922 году советской адвокатуры.

Разработка нового проекта Положения об адвокатуре развернулась в начале 1922 года и сразу вылилась в жесткую борьбу идей. Позиция Наркомюста по данному вопросу находилась в русле общего курса правительства в рассматриваемый исторический период. Признавая необходимость образования квалифицированных органов судебной защиты, государство в то же время не желало предоставления этим органам абсолютной автономии, правомерно полагая, что их выведение из-под государственного контроля с предоставлением прав самостоятельной корпорации могло бы со временем способствовать превращению адвокатуры в орган защиты, в первую очередь, прав и интересов

---

²⁹ Сборник циркуляров НКЮ РСФСР. М., 1926. С. 73.

³⁰ Там же. С. 94.

³¹ Там же. С. 110.

буржуазии, что вовсе не соответствовало общей концепции нэпа.

Вместе с тем, Наркомюсту сразу же пришлось столкнуться с сильным противодействием в формулировании общих концептуальных основ деятельности будущей адвокатуры. Выразилось оно, главным образом, в альтернативных проектах, разработанных на местах. Губернские Съезды и Собрания деятелей юстиции, обсудив вопрос о новой форме судебной защиты, принимают резолюции, в большинстве своем полностью противоречащие мнению правительства.

В решении Совета Председателей уездных бюро юстиции Терской губернии мы читаем: “Положение властно требует создания кадра свободных правозаступников-адвокатов. Оставлять же для защиты частноправовых интересов институт государственных защитников нет ни логических, ни государственных оснований.”³²

“Вся история русской адвокатуры, - говорится там же, - свидетельствует, что под опасением всякого рода репрессий адвокатура ... властно поднимала голос за права трудящихся и обездоленных, всех гонимых, ссылаемых и казнимых, и в этом своем значении сохранила светлую память на нашем темном бесправном самодержавном фоне.”

О желательном скорейшем восстановлении свободной адвокатуры, ориентированной исключительно на закон, говорится в решении Совещания судебных работников Ярославской губернии.³³

Пензенский губернский Съезд деятелей юстиции заявляет, что адвокатура “должна быть восстановлена на основаниях своего самоуправления, и только тогда дело правосудия будет поставлено на должную высоту.”³⁴

В отличие от прочих губернских Съездов и Совещаний, Пензенский Съезд не только сформулировал обобщенную точку зрения на вопрос об органах судебной защиты, но и разработал проект создания четырехзвенной системы адвокатского самоуправления. Место основного звена в этой системе отводилось общему губернскому собранию адвокатов, которое должно было решать большую часть текущих вопросов, касавшихся деятельности корпорации.

Наиболее сложные проблемы, не нашедшие своего разрешения на собрании адвокатов, предполагалось ввести в компетенцию губернского (окружного) совета адвокатуры, состоящего из трех человек, избравшихся

---

³² ГАРФ, Ф. 353. Оп. 5. Д. 18. Л. 17.

³³ Там же. Л. 38.

³⁴ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 17. Л. 142.

собранием.

Наконец, проект Пензенского Съезда предполагал формирование двух общероссийских органов адвокатского самоуправления: Главного Совета Российской адвокатуры и Российского Съезда представителей губернских советов адвокатов.³⁵

Таким образом, деятели юстиции Пензенской губернии предлагали построение стройной пирамиды корпоративных органов, главной целью которых была бы защита адвокатуры от всякого влияния извне, в том числе от влияния со стороны государства.

Разумеется, эти предложения никак не укладывались в общий курс правовой политики данного периода и были отвергнуты. Зимой 1922 года на IV Всероссийском Съезде деятелей советской юстиции не без влияния представителей НКЮ уже принимается решение, противоположное большинству резолюций губернских Съездов: выход адвокатуры из-под жесткого государственного контроля признается неприемлемым, а принцип найма защиты подсудимым признается не совместимым с основными целями и практическими задачами революционного суда, поскольку "... для нанятого частным лицом адвоката интересы частного лица в ходе судебного процесса становятся выше интересов материальной истины."³⁶

Несмотря на однозначную позицию, занятую правительством по вопросу о концептуальных основах построения адвокатских органов, в отношении отдельных частных проблем единого мнения зачастую не было и в самой комиссии НКЮ, специально созданной для разработки нового Положения. Вся сложность заключалась в том, что, с одной стороны, в проекте нужно было предусмотреть меры, обеспечивавшие политическую лояльность адвокатуры, а с другой - создать некоторую ее автономию от местных органов.

Между тем, вопрос об образовании адвокатуры требовал незамедлительного решения. Ситуация усугублялась бурным расцветом в 1921 - 1922 годах так называемой "нелегальной адвокатуры". Причина возникновения подобного явления коренилась в абсолютной беспомощности консультантов при губернских отделах юстиции при рассмотрении качественно новых категорий дел: о заключении и расторжении договоров, о правилах ведения торговли, о взыскании убытков и т.п. В этих условиях консультированием в обход государства стали заниматься частные лица, и среди них - "лица бесконтрольные

---

³⁵ Там же. Л. 154.

³⁶ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 18. Л 156.

и безответственные, как в смысле своих знаний, так и в смысле добросовестного отношения к делу.”³⁷, то есть, попросту говоря, авантюристы, выдававшие себя за правоведов. Были среди “частных адвокатов” и старые юристы, негативно относившиеся к советской власти.

По официальным статистическим данным, около 90 % представителей нелегальной адвокатуры осуществляли свою деятельность в сельской местности, пользуясь совершенной безграмотностью крестьян и беззастенчиво обманывая доверчивых “новых предпринимателей”.

Существование нелегальной адвокатуры не устраивало государство по двум причинам: во-первых, данная сфера деятельности привлекала огромные денежные суммы, выплачивавшиеся в качестве гонораров и уходившие от государственного налогообложения. Во-вторых, консультации, даваемые авантюристами, далекими от права, приводили к негативным последствиям для субъектов гражданско-правовых отношений, что способствовало подрыву торгового оборота.

Нужно сказать, что в Положении, принятом ВЦИК в мае 1922 года³⁸, вышеуказанные проблемы решались достаточно эффективно.

В соответствии с его нормами, члены адвокатских коллегий первого состава утверждались Президиумами губисполкомов по представлению губсудов. В дальнейшем же коллегия получала право самостоятельно проводить прием новых членов; за исполкомом же оставалось право отзыва любого из принятых в месячный срок.

Коллегии защитников создавались при совнарсудах и вели дела как по поручению заинтересованных лиц, так и по назначению Президиума коллегии.

Закон предусматривал порядок оплаты адвокатской деятельности. По гражданским делам вознаграждение составляло 5% от суммы иска и не могло превышать 25 рублей золотом по официальному курсу дня. По уголовным делам лица, признанные неимущими, вообще освобождались от уплаты; рабочие и служащие платили по специально установленной таксе; во всех остальных случаях размер вознаграждения определялся соглашением адвоката с заинтересованным лицом.

Таким образом, адвокатуре предоставлялась определенная самостоятельность, однако, и процесс формирования коллегий, и отчасти процесс

---

³⁷ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 17. Л. 94.

³⁸ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 425.

их деятельности находился под контролем соответствующих государственных органов, что создавало гарантию от “злоупотребления нэпом” со стороны адвокатов.

Оценивая меры, предпринятые государством в данной области, необходимо сказать, что Положение об адвокатуре было огромным шагом вперед уже потому, что оно создавало стройную систему органов судебной защиты, способных квалифицированно осуществлять свою деятельность в новых условиях.

Новые органы получили достаточную свободу для продуктивной работы, оставаясь, в то же время под контролем государства. Именно такое решение в наибольшей степени способствовало защите государственных интересов.

В 1922 году была проведена и непосредственная реконструкция судебных учреждений. Суть ее так впоследствии будет выражена П. Стучкой: “Наш суд, по составу - определенно классовый, рабочий, обязан осуществлять, охранять право, на котором ярко видна марка: “буржуазное”.³⁹

Инициатором проведения реформы выступила партия. В решениях 11-ой Всероссийской партийной конференции РКП(б) указывалось: “Поскольку победа трудящихся обеспечила Советской России хотя бы временный и неустойчивый мир и позволила перейти от военного напряжения на внешних и внутренних фронтах к мирному хозяйственному строительству, очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности.”⁴⁰ Поэтому необходимо согласиться с мнением Ю. П. Титова, отмечавшего, что именно в соответствии с решениями партийных органов “была реорганизована ВЧК и образовано ГПУ, в 1922 году были созданы прокуратура и адвокатура, проведена в 1922 году судебная реформа.”⁴¹

Первые предложения о порядке реформирования судебной системы прозвучали на тех же губернских Съездах и Совещаниях деятелей юстиции. Юристы практически всех российских губерний, характеризуя общее положение дел в судах, выделяли три основные проблемы, без решения которых, по их мнению, никакая судебная реформа не смогла бы дать надлежащих результатов.

---

³⁹ Материалы НКЮ. М., 1922. Вып. 18. С. 37.

⁴⁰ КПСС в резолюциях и решениях Съездов, Конференций и Пленумов ЦК. Ч. 1. Изд. 7. С. 593.

⁴¹ Титов Ю. П. Осуществление советским социалистическим государством функции подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов внутри страны в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. (1921 - 1925 гг.) М., 1955. Дисс. С. 163.

На первое место здесь, как правило, ставилась проблема материального обеспечения судов. Делегаты губернских Съездов неоднократно отмечали в своих выступлениях, что недостаточно высокая оплата работы судей ведет к взяточничеству, что несовместимо с принципом законности. Второй немаловажной проблемой, стоявшей перед советской юстицией в данный момент, был недостаточный авторитет народного суда в массах, в первую очередь, по причине постоянного вмешательства в деятельность судов местных властей. Наконец, третья задача, поднимавшаяся на региональных Съездах в качестве первоочередной, касалась обеспечения судебных органов квалифицированными кадрами. “Судьи нынешнего состава, - отмечалось в докладе председателя Пензенского губсуда, - от юриспруденции стояли в стороне и на судейские посты призваны волею народа. Сегодня же судья должен быть спецом.”⁴² Не лояльное отношение к власти, а профессиональные качества должны были стать, по мнению большинства выступавших, главным требованием, предъявляемым к судье в новых условиях государственного развития.

Переход советского государства к новой экономической политике существенным образом менял и взгляд правоведов на конкретные цели деятельности судебной системы. В отчетах губернских отделов юстиции, датированных зимой 1921 - 1922 года, в качестве таковых определялись: “1) проведение в жизнь принципа законности путем осуществления наблюдения за закономерностью и применением соответствующих мер при обнаружении незаконных действий; 2) сохранение и защита особых преимуществ государственного сектора экономики, который должен во что бы то ни стало выдержать конкуренцию с возрождающейся буржуазной стихией и использовать ее для своего возрождения; 3) объединение деятельности всех государственных органов по борьбе с преступностью с целью установления правильных взаимоотношений и устранения параллелизма.”⁴³

В качестве конкретных мер, призванных гарантировать эффективную работу судов, V Съезд народных судей Псковской губернии, проходивший в декабре 1921 года, предложил: установить принцип несменяемости и независимости судей; ввести два типа народных судов: единоличные - для рассмотрения дел о малозначительных проступках и с участием народных заседателей для рассмотрения более важных дел; создать единую для всей страны кассационную инстанцию, в компетенцию которой входило бы рассмотрение

---

⁴² ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 17. Л. 138.

⁴³ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 17. Л. 138.

жалоб на судебные приговоры и решения.⁴⁴

Съезд деятелей юстиции Пензенской губернии, отвечая на вопрос Наркомюста о принципах реформирования советского суда, направил в Москву свою резолюцию, основные предложения которой сводились к переподчинению всех судебных органов непосредственно Наркомюсту; упразднению губернских отделов юстиции с передачей их контрольных полномочий прокуратуре; введение принципа несменяемости судей в течение двух лет.⁴⁵

Принцип “единого народного суда” был признан всеми региональными Съездами и Совещаниями единственно верным. “Единый народный суд, действующий в РСФСР, - подчеркивалось в резолюции II Омского Съезда народных судей, - является сам по себе главным фактором приближения суда к населению.”⁴⁶ Наконец, в качестве важного мероприятия, способного оптимизировать деятельность судов, было признано изменение карательной политики государства. Нэп, по мнению большинства судей, восстанавливал значение денежных взысканий в системе мер наказания, отводя именно им особую роль при рассмотрении дел о злоупотреблении частным капиталом. “В связи с новой экономической политикой, - отмечалось в решении Совещания председателей уездных бюро юстиции Терской губернии, - необходимо ввести широкую систему применения денежных штрафов и лишения права заниматься торговлей и промыслом взамен тюремного заключения и принудительных работ.”⁴⁷

Отдельные мнения, высказанные в ходе обсуждения на местах возможных вариантов будущей судебной реформы, основывались на дореволюционном понимании права и практически повторяли положения Уставов 1864 года. Разумеется, несмотря на всю свою привлекательность в глазах юристов старой позитивистской школы, они не укладывались в общую схему развития социалистического государства, а потому не могли стать частью российского законодательства. Советская власть, провозгласив новую экономическую политику, нуждалась не в буржуазной, а в реформированной социалистической системе правосудия, в которой не могло быть места ни судейской корпоративности, ни вообще какой-либо оторванности деятельности суда от классовых интересов государства диктатуры пролетариата.

---

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 18. Л. 71.

⁴⁵ Там же. Л. 41.

⁴⁶ Там же. Л. 52.

⁴⁷ Там же. Л. 16.

На следующем этапе обсуждением основных принципов судебной реформы уже на общегосударственном уровне занялся IV Всероссийский Съезд деятелей юстиции. Выступая на этом Съезде, М. И. Калинин, выражая точку зрения партии по поводу необходимости серьезных изменений в сфере судостроительства и судопроизводства, сказал: “До настоящего момента существовал только один подход к праву: что бы ни стояло на пути укрепления советской власти, оно должно было быть уничтожено. Но теперь времена изменились. Нашей великой задачей является сделать так, чтобы народ почитал закон.”⁴⁸ И здесь делегатами высказывались различные, зачастую оригинальные точки зрения на наиболее оптимальную форму судебной системы. Например, делегат Дьяконов выдвигал идею образования при судах “особых сессий”, формируемых из наиболее грамотных специалистов и занимающихся теми видами преступлений, которые представляли наибольшую опасность в том или ином регионе страны.⁴⁹ Предполагалось, что такое нововведение поможет решить ряд проблем, возникавших в результате недостаточной квалификации судей. Делегат Лунин в докладе о судостроительстве предлагал расформировать территориальные трибуналы и создать так называемые “ударные суды”, которые занимались бы делами определенного вида (например, только убийствами или только политическими преступлениями).⁵⁰ Кстати, последняя идея, хотя и не была одобрена Съездом, все же нашла свое воплощение на практике чуть позже, в 1923 году, когда в ряде регионов России были открыты “камеры ударного назначения”. Так, например, в Ленинграде некоторое время действовали “трудсессия” и “камера по делам о самогонке”, которые в совокупности решали за год около 6 тысяч уголовных дел.⁵¹

Но особого внимания заслуживает речь представителя Наркомюста делегата Крыленко, прозвучавшая в первый день Съезда.⁵² В ней были четко обозначены два принципа, ставшие впоследствии основой реформы. Первый из них заключался в единстве построения и организации судов, второй - в единстве практики судебных учреждений. Крыленко отметил, что единству в сфере организации препятствует наличие системы революционных трибуналов, которую нужно ликвидировать; а единство в сфере практической деятельности

---

⁴⁸ IV Всероссийский Съезд деятелей советской юстиции. М., 1922. С. 95.

⁴⁹ Материалы НКЮ. М., 1922. Вып. 18. С. 39.

⁵⁰ Там же. С. 37.

⁵¹ Рабочий суд. Пг., 1924. № 13-14. С. 27.

⁵² Материалы НКЮ. М., 1922. Вып. 18. С. 38.

невозможно без единой кассационной инстанции, которую нужно создать.

Именно эти идеи легли в основу судебной реформы и нашли свое отражение в Положении о судеустройстве, разработанном в Народном Комиссариате Юстиции при непосредственном участии Н. Крыленко и принятом 11 ноября 1922 года.⁵³ Статья 1 Положения вводила на территории РСФСР следующую систему судебных учреждений:

1. Народный суд в составе постоянного судьи.
2. Народный суд в составе того же народного судьи и двух народных заседателей.
3. Губернский суд.
4. Верховный Суд РСФСР и его коллегии.

Основная роль в указанной системе отводилась народному суду, который рассматривал большую часть уголовных и гражданских дел. Именно этот орган должен был стать главным гарантом соблюдения принципа законности и главным препятствием на пути злоупотребления нэпом.

Народный суд в составе постоянного судьи был полномочен рассматривать уголовные дела, означенные в части 1 статьи 81 и статьях 139-а и 215 - 227 Уголовного Кодекса РСФСР, а также гражданские дела о выдаче судебных приказов и дела по особым производствам, кроме тех из них, которые были отнесены законом к компетенции губернского суда.

Губернский суд действовал в качестве суда первой инстанции по делам, отнесенным законом к его компетенции и в качестве кассационной инстанции по делам, рассмотренным в народных судах. Кроме того, будучи судебным центром губернии, этот орган обеспечивал единообразие правоприменительной практики. Если говорить о полномочиях губернского суда как суда первой инстанции, нужно отметить, что в его компетенции находились дела наиболее сложные, требовавшие особо ответственного подхода. К ним, например, относились уголовные дела о контрреволюционных, должностных преступлениях, особо опасных преступлениях против личности. В гражданско-правовой сфере в соответствии с ГПК РСФСР к ведению губернского суда относились дела по искам, цена которых превышала 500 рублей золотом; по искам к государственным органам и должностным лицам о возврате незаконно отобранного имущества; по требованиям, вытекавшим из договора товарищества; по искам о защите авторских прав.

---

⁵³ СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

Верховный Суд РСФСР выступал как суд первой инстанции по наиболее важным делам, как кассационный орган в отношении приговоров и решений губсудов и высший надзорный орган в отношении всех судов республики. Необходимость в создании этого органа была очевидна и не вызывала споров. Стране в условиях новой экономической политики был нужен единый судебный центр, а Народный комиссариат юстиции выполнять эту функцию не мог. Верховный Суд образовывался в составе Президиума, Пленума и коллегий (кассационных - по уголовным и гражданским делам, судебной, дисциплинарной, военной и военно-транспортной). К непосредственной деятельности по осуществлению возложенных на него полномочий суд приступил в январе 1923 года, и уже в первые месяцы своей работы рассмотрел ряд дел, вылившихся в крупные процессы.

Чтобы представить, какой интенсивности достигала работа Верховного Суда, достаточно сказать, что в течение 1923 года в среднем на одном заседании Кассационной коллегии по уголовным делам рассматривалось около 20 дел.⁵⁴ Тем не менее коллегии работали бесперебойно, во многом благодаря энтузиазму судей.

Одной из основных функций Верховного Суда РСФСР являлось правильное истолкование действующих законов. Постановления Пленума Верховного Суда по вопросам судебной практики являлись обязательными для нижестоящих судов. В первые годы после реформы здесь наблюдается некоторый параллелизм в деятельности высшего судебного органа и Наркомюста, издававшего циркуляры, обязательные для исполнения всеми судами страны. На практике, однако, это временное несоответствие практически не влияло на процесс осуществления правосудия.

Как мы видим, в Положении о судоустройстве законодатель отказался от идеи “единого народного суда”, борьба за осуществление которой так ожесточенно велась в первые годы Советской власти. Думается, главную роль здесь сыграли два фактора. Первый из них заключается в недостатке квалифицированных судей на местах. Второй - в стремлении государства создать дополнительную гарантию справедливого осуществления правосудия в виде возможности неоднократного обжалования вынесенного приговора или решения.

Значительное место в Положении было отведено вопросу комплектования судов. Так, народным судьей мог быть избран любой гражданин, обладавший

---

⁵⁴ См. Кожевников М. В. История советского суда. М., 1956.

избирательным правом и имевший либо двухлетний стаж политической работы, либо трехлетний стаж работы в органах юстиции. Закон при этом не устанавливал возрастного, имущественного и каких-либо иных цензов. Исключение из общего правила составляли лишь лица, судимые за уголовные преступления и лица, исключенные из общественных организаций за порочащие поступки.

Судьи народных судов избирались губисполкомами по представлению соответствующих губернских судов или НКЮ сроком на один год. В случае ненадлежащего исполнения своих обязанностей судья мог быть отозван по решению того же исполнительного органа.

Члены губернского суда избирались губисполкомами сроком на 1 год и утверждались НКЮ, которому также было предоставлено право выдвигать своих кандидатов на эти должности. Досрочный отзыв члена губсуда допускался лишь с санкции Наркомюста.

Председатель Верховного Суда РСФСР, его заместители и председатели коллегий назначались Президиумом ВЦИК. Президиум ВЦИК являлся единственным органом, полномочным осуществить отзыв членов Верховного Суда.

Одним из главных критериев, действовавших при назначении судей, по-прежнему являлась их партийность. Так, например, в 1923 - 1924 годах среди судей, работавших в Московской губернии, доля членов большевистской партии составляла 90%. А в 1927 - 1928 годах эта доля составила 85,6%.⁵⁵

При разработке Положения о судеустройстве неоднократно указывалось о необходимости сделать суд поистине народным, что предполагало сохранение института народных заседателей.

Народные заседатели избирались по специальным спискам, составлявшимся один раз в год комиссиями по разверстке. Разверстка производилась из расчета: 50% заседателей - от рабочего класса, 35% - от крестьянства и 15% - от воинских частей. А к 1925 году в составе народных заседателей, призывавшихся для работы в губсудах, было 49,8% рабочих, 34% служащих и 11,6% крестьян.⁵⁶ Таким образом, уже из этих цифр видно, что народные суды в годы нэпа формировались строго по классовому принципу, в наибольшей степени удовлетворявшему государство.

Иногда судебная реформа 1922 года расценивается как упрощение

---

⁵⁵ Московский областной суд. М, 2003. С. 10.

⁵⁶ Отчетный доклад Председателя Верховного Суда РСФСР за 1923 год. М., 1924. С. 5.

судебной системы. Эта мысль представляется спорной. Во-первых, с момента ее проведения вместо "единого" и по сути своей однозвенного народного суда стали действовать три звена с различной компетенцией. Во-вторых, ограничив сферу деятельности специальных судов, реформа не упразднила их окончательно. Ликвидировалась лишь система территориальных революционных трибуналов. Вместе с тем, Положение о судостроительстве предусматривало деятельность таких органов, как военные трибуналы, военно-транспортные трибуналы и земельные комиссии. Здесь налицо не упрощение, а даже некоторое усложнение судебной системы. Кстати, именно так оценивал реформу один из ее авторов - Н. Крыленко.⁵⁷

Важной задачей, стоявшей перед законодателем, было также усовершенствование работы не только самого суда, но и следственного аппарата. Огромное количество отмененных на стадии кассационного производства приговоров свидетельствовало о крайне неудовлетворительном положении дел именно в этой области. В Положении о судостроительстве следствию была посвящена отдельная глава.

Следственные органы создавались: при соответствующих следственных участках, при Верховном и губернских судах, при отделах прокуратуры. К кандидатам на должность следователя закон предъявлял следующие требования: наличие двухлетнего стажа работы в органах советской юстиции, наличие соответствующих моральных качеств и сдача специальных экзаменов.

В четком правовом регулировании нуждалась в период нэпа деятельность промышленных предприятий. В новых условиях хозяйствования между ними стали нередко возникать споры имущественного характера. И так как рассмотрение подобных дел в общем порядке представлялось нецелесообразным, в ходе реформы были созданы специальные арбитражные комиссии. Согласно закону, эти органы формировались при областных экономических совещаниях и подчинялись Высшей арбитражной комиссии при Совете Труда и Обороне. Решение арбитражной комиссии по юридической силе приравнивалось к решению суда. Организация, неудовлетворенная итогами разбирательства, могла обратиться с жалобой в вышестоящий орган.

В ходе судебной реформы значительным изменениям подверглись также военные и военно-транспортные трибуналы. Количество последних резко

---

⁵⁷ См. Положение о судостроительстве РСФСР со стенографическим отчетом о заседании IV сессии ВЦИК IX созыва. М., 1923.

сократилось. Теперь данные органы функционировали лишь в восьми городах России. Что же касается военных трибуналов их система в годы нэпа выглядела следующим образом: военные трибуналы военных округов (фронтов), военные трибуналы корпусов, дивизионные отделы окружных трибуналов. Органы военной юстиции действовали в постоянном составе, то есть без участия народных заседателей. К их подсудности относились: все дела о воинских преступлениях, предусмотренных статьями 200 - 214 УК РСФСР, дела о совершенных не военными служащими преступлений, предусмотренных статьями 57 - 73, 105 - 117, ч. 2 ст. 97 и п. "з" ст. 180 УК РСФСР, а также дела о совершенных военными служащими преступлениях, предусмотренных статьями 66, 81 (п. "д"), 130, 180 (п. "з") УК РСФСР, если данные деяния непосредственно угрожали боеспособности армии. К ведению военных трибуналов относились также все уголовные дела в тех районах, где по тем или иным причинам не было судов общей юрисдикции.

Создание в декабре 1922 года Союза Советских Социалистических Республик обусловило формирование Верховного Суда СССР. В статье 12 "Договора об образовании СССР", впоследствии почти полностью инкорпорированной в текст Конституции 1924 года, говорилось, что Верховный Суд СССР с функциями верховного судебного контроля учреждается при ЦИК СССР "в целях утверждения революционной законности на территории СССР и для объединения усилий союзных республик по борьбе с контрреволюцией."⁵⁸

При конструировании Верховного Суда СССР его организаторы стремились избежать двух, по их мнению, наиболее значительных опасностей, способных негативно повлиять на деятельность правоохранительной системы: превращения этого органа в объединенный наркомат юстиции, либо, наоборот, в учреждение, "собирающееся от случая к случаю и не имеющее никаких общерегулятивных функций." Первое противоречило бы основным принципам Конституции, второе бы сводило до нуля целесообразность создания Верховного Суда.⁵⁹

В соответствии с Конституцией СССР высший судебный орган Союза наделялся следующими полномочиями: а) дача верховным судам республик руководящих разъяснений по вопросам общесоюзного законодательства, б) рассмотрение и опротестование перед ЦИК СССР решений и приговоров верховных судов союзных республик по причине их противоречия общесоюзному

---

⁵⁸ СЗ. СССР. 1924. № 19. Ст. 183.

⁵⁹ См. Еженедельник советской юстиции. М., 1923. № 45. С. 1033.

законодательству, в) дача заключений по требованию ЦИК СССР о законности нормативных актов союзных республик с точки зрения их соответствия Конституции СССР, г) разрешение судебных споров между республиками и д) рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц в совершении должностных преступлений.

Следует отметить, что Конституция СССР 1924 года впервые в истории советского государства и права наделила судебный орган функциями конституционного контроля, которые успешно осуществлялись Верховным Судом на протяжении всего рассматриваемого периода. Статистика свидетельствовала, что с 1924 по 1927 год Верховный Суд СССР дал заключения о несоответствии Конституции в отношении 7 постановлений ЦИК и СНК союзных республик, а также внес 30 представлений о несоответствии союзному законодательству приговоров республиканских судов, 24 из которых были удовлетворены Президиумом ЦИК.⁶⁰

Как высшая судебная инстанция, Верховный Суд СССР в период нэпа фактически лишь возглавлял систему военных трибуналов. В Положении о Верховном Суде СССР данный орган наделялся следующими полномочиями в отношении судов военной юстиции: дача руководящих указаний, издание обязательных для исполнения Циркуляров, назначение ревизий и инструктирование по вопросам судебной практики.⁶¹ А позднее, в августе 1926 года, Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре предоставило Военной коллегии Верховного Суда СССР права кассационной инстанции по отношению к приговорам, выносимым всеми военными трибуналами СССР.⁶²

На деятельность республиканских судов общей юрисдикции данный орган прямого влияния оказывать не мог, а его полномочия по рассмотрению споров между республиками так и не нашли практического применения.

Наряду с этим, Верховный Суд СССР в данное время рассмотрел по существу несколько наиболее важных уголовных дел, затрагивавших интересы всего Союза. Среди них - дело обществ взаимного кредитования, дело Бориса Савинкова и др.

Верховный Суд действовал в составе пленарного заседания и четырех коллегий: гражданско-судебной, уголовно-судебной, военной и военно-транспортной.

---

⁶⁰ Добровольская Т. Верховный Суд СССР. М., 1964. С. 20 - 21.

⁶¹ Вестник ЦИК, СНК и СТО. М., 1923. № 10. С. 311.

⁶² СЗ СССР. 1926. № 57. Ст. 413.

Первым Председателем Верховного Суда СССР стал А. Н. Винокуров.

В дальнейшем на построение системы советских судов определенное влияние оказал процесс экономического районирования, начавшийся в 1924 и закончившийся в 1928 году. В ходе этого процесса происходило введение нового административного деления. Вместо губерний, волостей и уездов образовывались края (области), округа и районы. Соответственно, в тех местностях, где проходило районирование, место губернских судов занимали краевые (областные) суды. Окружные суды по причине возможного дробления кассационной практики первоначально решено было не создавать. Такая система вызвала к жизни институт постоянных сессий краевых (областных) судов в округах, рассматривавших уголовные и гражданские дела по первой инстанции и институт уполномоченных краевых (областных) судов в округах, выполнявших административные функции по обеспечению деятельности нижестоящих судебных органов. Подобное положение вещей значительно усложняло работу судов. Поэтому уже в 1925 году правительство принимает решение об образовании окружных судов, действовавших в каждом округе. Таким образом, в означенных регионах судебная система приняла следующий вид: народный суд, окружной суд, краевой (областной) суд, Верховный Суд республики.

Приход системы позитивного права на смену революционному правосознанию как основному руководящему принципу деятельности советского суда и связанная с ним необходимость кардинально нового подхода к решению кадрового вопроса, заставили руководство Наркомюста изменить взгляд на процесс подготовки судей. С появлением новых реалий в экономической жизни страны и нового понимания самой сущности права, такая форма юридического образования, как краткосрочные (80-часовые) курсы при Академии общественных наук и ее подразделениях, демонстрировала свою полную нежизнеспособность. “Теоретическая подготовка работников юстиции, - отмечалось в резолюции Совещания судей Череповецкой губернии, - возможно лишь в специальных учебных заведениях.”⁶³ Совет председателей уездных бюро юстиции Терской губернии, обеспокоенный появлением массы уголовных и гражданских дел, оказавшихся непосильными для народных судей, принимает решение продлить курсы обучения судей с нескольких месяцев до одного года, введя в программу новые предметы, такие, например, как уголовная политика,

---

⁶³ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 18. Л. 197.

сравнительная преступность и пенитенциарное дело.⁶⁴

Еще дальше в решении вопроса о подготовке квалифицированного судейского корпуса пошел Пензенский губернский Съезд деятелей юстиции, приняв решение о необходимости открытия юридического факультета при Университете.⁶⁵

Проведение в жизнь судебной реформы потребовало быстрого решительного перехода в данной сфере от слов к делу, потребовало мер общегосударственного характера, способных сдвинуть с мертвой точки кадровую проблему.

22 декабря 1922 года СНК принимает Декрет об открытии юридических курсов на местах, основные положения которого заключались в увеличении по сравнению с предыдущим периодом срока обучения судей и включении в программу новых предметов. В 1923 году новые учебные заведения действовали уже практически во всех губерниях России. Вот несколько примеров, дающих общее представление о характере тех изменений, которые произошли в системе юридического образования в годы нэпа. В соответствии с проектом, разработанным Забайкальской губернской прокуратурой, в губернии в данный период действовали шестимесячные юридические курсы. Занятия в них проводились ежедневно, по вечерам, без отрыва от службы. Общая продолжительность занятий, таким образом, возросла, по сравнению с прошлыми годами в 5 - 6 раз. Основная цель курсов, по словам их руководителя, заключалась в том, чтобы “дать слушателям не только чисто академическое образование, а снабдить лиц, желающих работать в судах, запасом, главным образом, практических знаний.” На курсах была принята вызывавшая в то время много споров лекционная система с включением практических занятий, таких, как проведение примерных судебных заседаний, составление протоколов, присутствие при производстве медицинской экспертизы.⁶⁶

В мае 1923 года четырехмесячные юридические курсы открылись в Рязани. Лекции на них читались местными судьями, прокурорами и членами коллегии защитников. В программу обучения были введены новые предметы: гражданское и торговое право. Слушатели курсов приравнивались к студентам рабфаков и могли пользоваться общежитием и библиотекой.⁶⁷

16 января 1923 года в Москве начали свою работу Высшие юридические

---

⁶⁴ Там же. Л. 16.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 52. Л. 138.

⁶⁶ Еженедельник советской юстиции. М., 1923. № 24. С. 569.

курсы со статусом высшего учебного заведения, слушателями которых, как правило, являлись лица, проработавшие в судах не менее двух лет. Обучения на курсах длилось в течение года и охватывало собой широкий спектр юридических дисциплин.⁶⁸

Другим, достаточно оригинальным, хотя и малоэффективным способом повышения квалификации судей, стала организация юридических кружков при месткомах Верховного и губернских судов. На заседаниях кружков, как правило, заслушивались доклады высокопоставленных деятелей советской юстиции. Их обсуждение обычно перерастало в бурную дискуссию, в ходе которой слушатели часто делились на два противоположных лагеря, отстаивая собственную позицию по какому-либо вопросу.

Введение новых форм подготовки судейского корпуса, безусловно, являлось большим шагом вперед на пути решения кадровой проблемы. Однако, для существенного улучшения ситуации этих мер пока было явно недостаточно.

Рассмотрев в основных чертах те изменения, которые произошли в годы нэпа в судебной системе, обратим внимание на проблему ее функционирования.

Основной чертой советского судопроизводства в сфере уголовного права в период нэпа являлось значительное смягчение карательной политики в отношении лиц, совершивших противоправные деяния.

В 1923 году, подчеркивая необходимость строгого следования всеми государственными органами нормам закона, член Президиума ЦКК А. Сольц в докладе на расширенном Пленуме Петроградского губсуда так сформулировал одну из основных задач суда: “Надо твердо помнить, что закон для человека, а не человек для закона, и нужно совершенно исключить возможность повторения фразы, прочитанной мной на одной из тюремных стен: “был бы человек - статья найдется.”⁶⁹

Та же идея в первые годы нэпа постоянно звучит со страниц газет и журналов, с трибун партийных форумов и собраний трудовых коллективов. Так, резолюция одного из Петроградских заводов, вынесенная на рабочем собрании, посвященном новым выборам народных заседателей, провозглашала: “Пролетарский суд - не суд мести, он должен не только карать преступника, но и стремиться к его исправлению.”⁷⁰

---

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Еженедельник советской юстиции. М., 1923. № 15. С. 340.

⁶⁹ Рабочий суд. Пг, 1924. № 21-22. С. 566.

⁷⁰ Там же. С. 684.

Сегодня можно долго спорить о том, насколько искренними были эти заявления и с какой целью они делались. Думается, однако, что неверно было бы сводить всю политику по снижению уголовной репрессии в 20-е годы к попытке государства показать себя в лучшем свете перед иностранными партнерами, инвестиции которых призваны были помочь российской экономике. Такая точка зрения, как правило ничем не аргументированная, нередко высказывалась в публицистической литературе.

Гораздо более правильно было бы объяснить сложившуюся ситуацию, в первую очередь тем, что с окончанием гражданской войны та степень уголовной репрессии, которая отвечала интересам государства на ранних стадиях его становления, в новых условиях перестала удовлетворять принципу целесообразности. Для достижения целей, которые встали перед государством на новом историческом этапе, методы террора перестали быть необходимыми, более того, стали во многих отношениях неприемлемыми.

Создание многозвенной судебной системы на месте “единого народного суда” также явилось определенной гарантией, защищавшей граждан от несправедливых, необоснованных приговоров, выносимых народными судьями. В этом смысле огромное значение приобрела деятельность Верховного Суда РСФСР, органа, за которым, в большинстве случаев, оставалось последнее слово в вопросе о применении меры наказания по наиболее сложным уголовным делам.

Так, например, за период с июля 1923 года по январь 1924 года в Уголовно - Кассационную коллегию Верховного Суда поступило 361 дело, по которым нижестоящие суды вынесли приговоры с высшей мерой наказания. Из них в отношении 195 подсудимых мера наказания была изменена, а 23 приговора были отменены вовсе.⁷¹

Переход к новой экономической политике ознаменовался ростом преступности в тех сферах, развитие которых неизбежно связано с развитием капиталистических отношений. Особое внимание судам в 20-е годы пришлось обратить на такой вид преступной деятельности, как взяточничество. Достаточно сказать, что в 1923 - 1924 годах в общем объеме дел, рассмотренных Верховным Судом по первой инстанции эти преступления составляли 52%.⁷² Ситуация усугублялась не только количественным ростом случаев получения взятки, но и качественным совершенствованием механизма преступной деятельности.

---

⁷¹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 10. Д. 12-а. Л. 8.

⁷² Там же. Л. 19 - 20.

Например, судьям пришлось столкнуться с такими явлениями, как получение взятки в виде определенного процента с суммы подряда или поставки как дохода от паевого участия в частном предприятии, куда должностное лицо “вносило” только свое имя; вуалирование взятки договором купли-продажи, по которому либо подрядчик покупал должностному лицу нужную вещь, расплачиваясь с ним за полцены, либо подрядчик покупал у должностного лица ненужные вещи за баснословную сумму; сокрытие следов взяточничества путем совмещения одним лицом множества должностей, что в ряде случаев позволяло недобросовестным предпринимателям торговать с самими собой и самих же себя контролировать.

Нэп породил и массу неизвестных ранее мошеннических действий в финансовой сфере. Стремление к получению как можно большей прибыли толкало буржуазию на путь поиска все более тонких и завуалированных способов ухода от налогообложения. Вот лишь весьма короткий перечень деяний, юридическую квалификацию которых должен был давать суд: приобретение патента, не соответствующего реальному уровню оборота предприятия; ведение “двойной” бухгалтерии - “белой” - для фининспектора и “черной” - для себя; организация фиктивных предприятий в целях получения налоговых льгот; развитие частного капитала “под фирмой” государственного учреждения или кооперативного предприятия.

В этих условиях судье для того, чтобы справиться со шквалом совершенно новых по своему характеру уголовных дел, необходимо было быть юристом, экономистом и социологом в одном лице. Недостаток образования мог быть заменен опытом практической работы, но последний, в свою очередь, требовал немалого времени. Может быть, именно поэтому в первые годы нэпа замечается довольно большой процент приговоров измененных либо отмененных вышестоящими инстанциями.

Но еще большую сложность для судей представляли гражданские споры, появившиеся в огромном количестве с расширением практики товарно-денежных отношений.

Председатель Московского губернского суда И. Смирнов на страницах одного из юридических журналов того времени констатировал, что “если в 1923 году исков частных лиц к частным лицам мы встречаем в нашем суде десятками, то к 1924 году мы наблюдаем ежемесячное повышение, выражающееся в сотнях процентов.”⁷³

Такое положение дел вело к необходимости, в первую очередь,

---

⁷³ Пролетарский суд. М., 1924. № 1-2. С. 9.

определения общей тактики судебной деятельности в гражданско-правовой сфере. Данный вопрос являлся весьма важным, так как он во многом определял границы того вынужденного компромисса советской власти с частным предпринимательством, который лежал в основе нэпа. И советское правительство сразу дало понять, что новая экономическая политика — это временная мера, используемая в интересах государства диктатуры пролетариата, и что, следовательно, частнопредпринимательская деятельность будет защищаться правоохранительными органами до тех пор, пока она не начнет этим интересам противоречить. “Гражданский оборот, - говорится в докладе Председателя Московского городского суда, - с каждым годом увеличивается, и есть опасность, что судебные органы будут увлечены новыми требованиями этого имущественного оборота и будут считать реальным не то, что написано в законе, а то, что изволил завоевать нэп помимо закона.”⁷⁴ Если здесь борьба за интересы государства трактуется автором, как строгое соблюдение принципа законности, то впоследствии, столкнувшись с серьезнейшими проблемами правового и политического характера, советские работники юстиции уже прямо будут настаивать на том, что и сама законность должна находиться в рамках, определяемых революционной целесообразностью. На V Всероссийском Съезде деятелей советской юстиции, состоявшемся в марте 1924 года, прозвучал доклад одного из главных разработчиков Гражданского Кодекса РСФСР Гойхбарга “О классовой политике в гражданском процессе”. Основная мысль его заключалась в том, что действующие гражданские законы не имеют никакого иного назначения и смысла, кроме защиты интересов рабочего класса.”⁷⁵ В докладе Гойхбарга речь шла о возможном новом толковании статьи 4 Гражданско-Процессуального Кодекса РСФСР, дававшей право судье использовать своё революционное правосознание в тех случаях, когда имущественные отношения, являющиеся предметом судебного разбирательства, не урегулированы нормами права. Докладчик предлагал толковать данную статью расширительно, распространяя её и на те отношения, которые Гражданским Кодексом урегулированы. Обсудив доклад, Съезд вынес резолюцию, рекомендовавшую судье вновь, как в прежние годы, руководствоваться классовым правосознанием, нарушая нормы Гражданского кодекса, если применение нормы в данном конкретном случае “оказывается в противоречии с классовой политикой суда”.⁷⁶

---

⁷⁴ Еженедельник советской юстиции. М., 1923. № 7-8. С 146.

⁷⁵ Пролетарский суд. М., 1924. № 1-2. С. 11.

⁷⁶ Там же

Отхода с твердых позиций позитивного права в 1924 году всё-таки не произошло, однако сама постановка вопроса на V Съезде однозначно свидетельствует об отношении работников советской юстиции к нэпу и его негативным, с точки зрения государства, последствиям.

Отсюда понятно, что главная опасность, с которой государство призывало бороться судебные органы, заключалась в злоупотреблении нэпом. Одним из основных проявлений последнего в период с 1922 по 1926 год стала посредническая деятельность. В первую очередь, речь шла о торговом посредничестве, которое, способствуя взвинчиванию цен на подавляющее большинство товаров, затрагивало интересы широких трудящихся масс, а, следовательно, и интересы государства.

По данным статистики уже в первые годы нэпа в руках частного капитала сосредоточилось около 70% всей розничной торговли, что придавало данной проблеме первостепенное значение.⁷⁷ Кроме того, государственные предприятия, продолжавшие доминировать в сфере оптовой торговли, также были зачастую не прочь повысить свою норму прибыли, используя недобросовестные методы ведения хозяйства.

В этой связи правительство принимает ряд нормативных актов, ставящих заслон разного рода злоупотреблениям, несовместимым с генеральной линией государственной политики. Важнейшим из них было Постановление СНК “О мерах к урегулированию торговых операций госучреждений и госпредприятий” от 2 января 1923 года, в котором устанавливался следующий принцип: госорганы и госпредприятия имеют право торговать лишь предметами своего производства, либо теми предметами, торговля которыми предусмотрена их уставами.⁷⁸

Ряд арбитражных комиссий, столкнувшись с проблемой проведения данного решения в жизнь, пошли в вопросе о защите государственных интересов даже дальше законодателя, признав, в частности, что, в случае совершения посреднических операций, единственно приемлемым их последствием может быть лишь отказ от реституции, то есть перечисление всего обогащения, полученного обеими сторонами по сделке, в доход государства.⁷⁹

Такой подход арбитражной комиссии в свете проводившейся экономической политики представляется совершенно верным, поскольку

---

⁷⁷ Геллер М., Некрич А. История России. 1917 - 1995. В 4-х тт. Т. 1. М., 1996. С. 178.

⁷⁸ Рабочий суд. Пг. 1924. № 21-22. С.679.

⁷⁹ Там же.

“торговля ради торговля”, и “нажива ради наживы” не только коренным образом противоречили основным началам нэпа, но и вносили значительный элемент морального разложения в само общество, что является злом для любого государства, для любой политической системы.

Не менее жестко относятся в данный период суды и к появившейся практике заключения преддоговорных соглашений, предметом которых, как правило, являлась недвижимость. Практика однозначно свидетельствовала, что подобного рода сделки почти всегда обуславливались желанием одного из контрагентов перепродать строение, не перенося на себя права собственности, а, значит, и не неся расходов нотариального характера. Таким образом, мотивом “запродажных записей”, как именовались эти сделки в юридической литературе, выступала все та же “нажива ради наживы” в обход интересов государства. И с этой точки зрения совершенно обоснованным представляется мнение судей, считавших, что преддоговор в вышеуказанном виде - явление, абсолютно чуждое новой экономической политике, явление, с которым следует вести борьбу.

Обобщив практику рассмотрения только что приведенных и иных видов гражданских споров, Пленум Верховного Суда РСФСР 16 февраля 1924 года издал постановление, указывающее, что распространительное толкование гражданских прав, предоставляемых Гражданским Кодексом, допускается только в случаях, когда этого требует охрана интересов государства и трудящихся масс.⁸⁰

Нередкими в практике судебных органов в рассматриваемый нами период были и такие случаи, когда суд, стараясь как можно более воспрепятствовать злоупотреблению нэпом, сам нарушал закон. Так, например, местные суды, часто не находя иного выхода из-за весьма поверхностного знания советского законодательства, ограничивались ссылкой на статью 1 Гражданского кодекса, провозглашавшую, что “гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением”, решая дело, разумеется, не в пользу частного капитала.

Журнал “Судебная практика” приводит такой пример. Суд отказал коммивояжеру в его требованиях к организации об оплате его услуг, находя, что права коммивояжера (лица, занимающегося исключительно посреднической деятельностью) на вознаграждение не подлежат судебной защите в силу статьи 1 Гражданского кодекса РСФСР. Вместе с тем, в данный период действовал

---

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 10. Д.1. Л. 12.

специальный декрет от 2 января 1923 года, допускавший использование коммивояжеров торговыми промышленными предприятиями и прямо оговаривавший все вопросы, связанные с оплатой их деятельности.⁸¹

Второй случай. По взятой жилтовариществом ссуде из коммунального банка для проведения ремонтно-строительных работ, отдельные жильцы дома обязались перед банком ответить своим имуществом за своевременное погашение ссуды. Суд отказал в удовлетворении искового требования банка к указанным жильцам на том основании, что удовлетворение этих требований означало бы осуществление гражданских прав в противоречии с их социально-хозяйственным назначением.⁸²

Гражданско-Кассационная Коллегия Верховного Суда РСФСР признала решение суда необоснованным, указав, что общая политика советского правительства как раз направлена на развитие жилищного строительства и, соответственно, на лучшее обеспечение выдаваемых банками ссуд.

В подобных ситуациях, как правило, срабатывала надежная гарантия в виде многозвенности судебной системы, позволявшая рассмотреть дело в кассационном порядке в новом составе суда.

Особого внимания в этой связи заслуживает деятельность Верховного суда РСФСР, рассматривавшего особо сложные казусы, вызвавшие затруднения в нижестоящих инстанциях. С каждым годом общий массив дел, поступавших в этот орган, неизменно увеличивался на всем протяжении периода нэпа. В 1923 году Гражданская Коллегия разобрала в порядке кассационного производства 1304 дела, в 1924 - 3180 дел, в 1925 - 3966 дел, в 1926 - 5071 дело. При этом доля отмененных решений составляла от 40 до 45 %.⁸³

Утверждение принципа законности, вызвавшее к жизни огромное количество позитивных правовых норм, поставило на повестку дня вопрос об их толковании. Политика советского правительства в области юстиции, направленная на единообразное понимание законов в различных регионах страны, не могла допустить дробления деятельности по толкованию нормативных актов между отдельными судами. Именно поэтому вся тяжесть в разрешении данного вопроса легла на плечи того же Верховного Суда.

Рассмотрев основные изменения, произошедшие в самой системе судебных органов и в порядке их функционирования, логично поставить вопрос о

---

⁸¹ Судебная практика. М., 1927. № 2. С. 8.

⁸² Там же.

⁸³ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 10. Д. 12-а. Л. 6.

том, решила ли судебная реформа те проблемы, которые выдвигались на первый план работниками юстиции в ходе дискуссии 1921-1922 годов. Ответ на него будет скорее отрицательным, нежели положительным. В первую очередь, необходимо сказать о том, что по-прежнему на весьма низком уровне продолжала оставаться материальная база деятельности судов. “Протекающие крыши, нетопленые помещения, отсутствие всякой мебели - ни стула. ни скамейки - обычная картина наших уездных судов”, - замечает в 1924 году один из ответственных советских работников.⁸⁴

Подобная бедность и неустроенность не придавали суду дополнительного авторитета в глазах трудящихся, и тот факт, что в период нэпа отношение к судьям перестало быть откровенно неуважительным, объясняется, прежде всего, расширением компетенции судебных органов, повышением их роли в регулировании общественных отношений.

Совершенно очевидно, что придание суду какой-то особенной роли вовсе не входило в планы Советского государства. Суд в данный момент рассматривался как один из элементов государственной машины, призванной осуществлять волю политической элиты. А осуществлять эту волю можно было вполне и без сооружения Дворцов Правосудия на месте старых судов с протекающими крышами.

Не смогла судебная реформа решить и проблему подготовки квалифицированных кадров, хотя определенные шаги в этом направлении, как было показано выше, и делались. В некоторых губерниях России вообще сложилась, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: несмотря на то, что с каждым годом в стране выпускалось все больше юристов, в составе судов их количество уменьшалось. Так, например, в Петрограде и Петроградской губернии в 1923 году было 19,4% судей с высшим образованием и 46,7% - с низшим. В следующем, 1924 году эти цифры уже составляют 18,2% и 57,8% соответственно.⁸⁵ Причем данный процесс происходил невзирая на то, что заработная плата судей с каждым годом росла, а представители Наркомюста даже с гордостью заявляли о том, что проблему материального обеспечения судей, бывшую когда-то одной из наиболее больных, наконец, удалось решить.⁸⁶

В поисках способов оптимизации процесса подготовки юристов государство приходит к выводу о необходимости сделать новый шаг на пути

---

⁸⁴ Рабочий суд. Пг., 1924. № 13-14. С. 3.

⁸⁵ Там же. С. 12.

⁸⁶ Там же. С. 3.

совершенствования форм образования. В 1924 году ЦК ВКП(б) организовал комиссию по пересмотру вопроса о факультетах общественных наук при Университетах. В результате ее деятельности было принято решение о создании дифференцированных факультетов по гуманитарным дисциплинам. Уже с июня 1925 года начал свою работу факультет советского права при 1-ом МГУ. А в октябре 1925 года коллегия НКЮ признает целесообразным открытие факультета советского права в Ленинградском Университете.⁸⁷

В заключение хочется остановиться еще на одном моменте, без которого обзор деятельности судов периода нэпа не будет полным.

Отдельные исследователи видели в нэпе не временную меру, способствовавшую восстановлению народного хозяйства, а рассчитанную на долгие десятилетия политику мирного сосуществования социалистического и капиталистического элементов в рамках одной экономической системы. Соответственно, и принцип законности расценивался ими, как незыблемый фундамент правового здания, как граница, за которую не могло шагнуть государство. Это не так. Нэповская Россия вовсе не стала представлять собой Россию “редисочную”, по образному выражению одного из деятелей “сменовеховского” движения, означавшему изменение сущности государства в сторону капитализма при внешнем, формальном следовании социалистическим, “красным” идеям.⁸⁸

В тех случаях, когда отход от строгого следования нормам права представлялся властям целесообразным, государство действовало в соответствии с принципом целесообразности. Один из ярких тому примеров - дело по обвинению в контрреволюционной деятельности группы священников, рассматривавшееся в июне 1922 года в Петрограде. Лица, проходившие по нему в качестве подсудимых, были обвинены ... в заключении соглашения с Советской властью относительно сдачи церковных ценностей. По мнению трибунала, подобное решение принижало авторитет власти, а, следовательно, являлось контрреволюционным актом. Напомним, что несколькими неделями ранее революционный трибунал в Москве приговорил священнослужителей к смертной казни как раз за прямо противоположное действие - за отказ такое соглашение заключить.

Петроградский ревтрибунал, в составе которого не было ни одного юриста,

---

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 10. Д. 1. Л. 160

⁸⁸ Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин. 1927. С. 6.

отстранил от участия в процессе всех свидетелей защиты. А единственным основанием для вынесения смертного приговора явились непроверенные показания свидетелей обвинения, изобилующие такими внутренними противоречиями, одного взгляда на которые достаточно для констатации их несостоятельности.

Проведение в жизнь новой экономической политики не положило конец и такому явлению, как деятельность органов внесудебной репрессии. Уже в октябре 1922 года по отношению к бандитам подобными функциями наделяется ГПУ. Сфера деятельности этого органа со временем все более расширяется. В 1926 году центральные периодические издания СССР публикуют репортаж о расстреле - по решению этого органа - трех работников Наркомфина за спекуляцию валютными ценностями.⁸⁹

Однако, несмотря на нерешенность многих проблем, судебная реформа 1922 года остается ярчайшим событием в истории отечественного государства и права. Главным положительным ее результатом стало содействие проведению государством новой экономической политики, позволившей восстановить народное хозяйство, разрушенное в ходе гражданской войны. Установившееся благодаря реформе единообразие правоприменительной практики оказало существенное влияние как на создание товарно-денежного оборота внутри страны, так и на приток необходимых российской экономике денежных инвестиций с Запада. Реформа, задумывавшаяся, как способ поддержки нэпа, выполнила свою основную задачу.

Среди других наиболее значимых результатов реформы нужно выделить:

- переход к пониманию права как системы позитивных норм, санкционированных государством и обеспеченных силой государственного принуждения;

- создание многозвенной судебной системы, способной в достаточной степени гарантировать соблюдение принципа законности при рассмотрении уголовных и гражданских дел.

- выход на качественно новый уровень решения кадровой проблемы, признание того факта, что судья должен быть профессионалом.

Благодаря реформе, в стране начала действовать стройная система правоохранительных органов. Об эффективности деятельности этой системы говорят цифры: в 1922 году впервые за весь послеоктябрьский период

---

⁸⁹ Правда.26 мая 1926 г.

преступность в стране начинает падать, а к 1926 году снижается втрое.⁹⁰

В отчете Московского городского суда за 1925 год отмечалось, что “общий рост благосостояния населения действует в сторону снижения преступности”, в связи с чем “суд прочно встал на путь снижения репрессий”.⁹¹

Судебная практика данного периода ценна для нас еще и в том смысле, что она блестяще доказывает, что не жесткость кары, а мудрая правовая политика способна стабилизировать обстановку в стране и стимулировать индивида соотносить свои личные интересы с интересами общества и государства.

Глава II. Завершение формирования советской судебной системы.

§1. Дискуссия конца 20-х - начала 30-х годов об основных принципах судостроительства и судопроизводства в СССР и ее значение.

Многими ведущими советскими правоведомы свертывание нэпа было воспринято как сигнал к скорейшему возвращению на старые, революционные, рельсы правовой политики, воспринимавшей закон как инструктивное приложение к классовому правосознанию каждого конкретного судьи.

“После периода бури и натиска ... (1917 - 1922 гг.), после периода создания кодексов ... (1922 - 1927), мы вступаем в третий период, - отмечал Н. Крыленко, - период основной проработки и проверки начал этих кодексов с точки зрения их действительного соответствия принципам марксистского понимания права и задачам практического строительства социализма.”⁹²

Видение конкретных путей правовых преобразований у Крыленко было при этом далеко не оригинальным. Основные предложения наиболее авторитетного члена коллегии Наркомюста сводились к освобождению судей от связывающего их деятельность нормативно-правового материала, что означало планомерное возвращение к интуитивному пониманию права. “Фетишизм буквы, способный только родить мертвечину, ... должен быть изжит полностью!”⁹³ - эти слова достаточно ясно свидетельствуют о том, что и сам принцип законности, и построенная на его основе в 1922 году судебная система воспринимались Н.

---

⁹⁰ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 186.

⁹¹ Герцензон А. Общеуголовная преступность и классовое начало в уголовной политике СССР. / Советское право. М., 1926. № 6. С. 48.

⁹² Еженедельник советской юстиции. М., 1927. № 43. С. 1332.

⁹³ Там же. С. 1333.

Крыленко как временные средства для достижения конкретных целей, которые могли быть немедленно отброшены в момент достижения этих целей.

Трехчленное деление истории советского права проводил в своих работах данного периода и Д. Курский. “Неписаное право военного коммунизма мы заменили проработанными нами в условиях и на основе новой экономической политики кодексами.” Отход же от новой экономической политики означал, по мнению Курского начало нового этапа в правовой политике, в котором не должно быть места этим кодексам.⁹⁴

Мнение ведущих советских юристов о необходимости отказа от “буржуазного” понимания права как системы установленных государством формально-определенных норм с энтузиазмом воспринималось определенной частью деятелей юстиции на местах. Основная аргументация последних при этом, практически дословно повторяя протоколы судейских собраний 1918 года, сводилось к тому, что правосудие должно быть свободно от уз закона, а судьями должны становиться “рабочие от станка, не искушенные в юридических тонкостях”⁹⁵. Вряд ли было бы правильным заподозрить всех судей, стоявших в 1927 году на подобных позициях, в личной нечистоплотности, в стремлении к достижению личных корыстных целей путем возвращения правового хаоса первых месяцев революции. Сама идея интуитивного права являлась весьма привлекательной, особенно для людей, далеких от адекватного понимания происходящих в обществе процессов. Но факт остается фактом - во второй половине 20-х годов в СССР в юридической теории наблюдается попытка отклонения от строгого следования позитивизму, называемая некоторыми исследователями данного вопроса попыткой “возвращения к нигилизму времен гражданской войны”.⁹⁶

Неверно, однако, было бы считать, что ведущие советские теоретики права заняли единую позицию по вопросу о правовой реформе, необходимость проведения которой признавалась ими всеми. Наименее радикальной в спектре высказанных в 1927 году точек зрения была позиция П. Стучки, который также неоднократно в данный период говорил о наступлении новой эры в развитии отечественного права: “В эпоху нашего отступления мы списывали целые кодексы старого мира. Сейчас нам предстоит колоссальная работа новых

---

⁹⁴ Там же. С. 1329.

⁹⁵ Там же. № 50. С. 1561.

⁹⁶ Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. М., 1993. С. 112.

коренных преобразований”, призванная доказать, что “мы марксисты не только на словах”.⁹⁷

Многokrатно выступая на страницах юридической печати, Стучка высказывался за серьезное изменение системы советского законодательства, и, в первую очередь, законодательства гражданского. “Мы стоим, - писал он, - перед выработкой нового Гражданского Кодекса и уже вырабатываем общесоюзные начала его. Тут борьба предстоит еще серьезная, ибо гражданское право - это, в известной степени, последнее прибежище для буржуазной правовой мысли.”⁹⁸ Вместе с тем, в высказываниях Стучки нет утверждений о необходимости искоренения самой позитивно-правовой теории: “Для нас ясна глубокая разница между законностью буржуазной и законностью эпохи военного коммунизма, когда Декреты, говоря словами Ленина, лишь служили формой пропаганды: “вот как нам бы хотелось, чтобы государство управлялось, вот Декрет, попробуйте.” Но эта полоса прошла. Что представляет на деле наш новый закон? Это определенные и конкретные рамки действия, известное самоограничение со стороны власти.”⁹⁹ Таким образом, Стучка с формальной (но не с содержательной) стороны видел преемство между “новым советским законом” и “старым буржуазным кодексом”. Для него в 1927 году право олицетворялось именно в жестких конкретных нормах, а не в интуитивной категории “правосознания”.

Более того, споря с теми из своих коллег, которые отвергали всякую возможность подобного преемства, Стучка повторял мысль Маркса о том, что “если два класса делают одно и то же — это не одно и то же”, давая тем самым понять своим оппонентам, что социализм, изменяя содержание и классовую направленность права, вовсе не диктует необходимости слома всех правовых форм, выработанных человечеством.

В чем же видел Стучка черты новой стадии развития права? Коротко, его предложения сводились к проведению трех мероприятий: а) ограничение стихийной рецепции старых буржуазных кодексов, б) кодификация действующего права “с преданием забвению Декретов периода военного коммунизма” и в) упрощение законов, отнюдь не означающее их количественное сокращение.¹⁰⁰ Иными словами, в 1927 году П. Стучка призывал ни к чему иному, как к развитию социалистической юриспруденции, к ее постепенному совершенствованию.

---

⁹⁷ Еженедельник советской юстиции. М., 1927. № 43. С. 1331.

⁹⁸ Революция права. М., 1929. № 2, С. 9.

⁹⁹ Там же. М., 1927. № 1. С. 13-14.

Мысль о скором исчезновении государства и права Стучка называл “музыкой далекого будущего”¹⁰¹, высказываясь против реформирования существовавшей судебной системы.

Наиболее же радикальным противником системы советского судоустройства и судопроизводства выступил все тот же Н. Крыленко. В своих статьях, полемизируя со Стучкой и используя в качестве аргументации идеи последнего десятилетней давности, Крыленко призывал к признанию основным принципом функционирования суда принцип революционной целесообразности и к освобождению судов от всяческих процессуальных формальностей.” Ничего ужасного, например, не было бы, - писал он, - если бы мы сказали, что в Тульской губернии нужно ввести одну подсудность, а в Рязанской - другую”.¹⁰² Понимания права как элемента, цементирующего государственность, у Крыленко не было и не могло быть. Более того, борьба с государственностью, как с пережитком буржуазной формации, ставилась им на одно из первых мест в числе задач социалистического общества.

Радикальные идеи Крыленко о реформировании системы советского правосудия нашли свое отражение не только в теории, но и в нормотворческой деятельности. В июне 1927 года под его руководством в НКЮ идет подготовка проекта нового Уголовно-Процессуального Кодекса.

Главной особенностью этого документа было то, что, по мысли его авторов, он должен был содержать в себе чуть более восьмидесяти статей. Однако и в таком виде Кодекс представлялся Крыленко чересчур раздутым: “Нашим судам должны быть даны основные начала, основные принципы, которые бы они знали, как руководящие нормы процесса. Идеалом было бы сведение их к 32 статьям”¹⁰³.

Помимо нескольких десятков основных статей УПК, по замыслу членов коллегии Наркомюста, предполагалось принятие нескольких сот так называемых “наказных статей”, которые были бы обязательны для судей, но, не обладая статусом закона, могли бы изменяться самим НКЮ “по мере накопления опыта”.

Подобная постановка вопроса сразу же вызвала бурную критику со стороны не входящих в состав НКЮ юристов. “Если сокращение сведется к тому, - писал один из сотрудников журнала “Революция права”, - что вы дадите УПК из

---

¹⁰⁰ Там же. С. 47.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. М., 1928. № 1. С. 105.

¹⁰³ Там же.

80 статей, а 200 - 300 статей в виде Наказа, то что меняется? То, что НКЮ получает свободу от ВЦИКа - свободу менять без разрешения эти статьи.”¹⁰⁴

Критика еще более усилилась после нового “революционного” предложения Крыленко - о создании судебной милиции, полностью подчиненной прокуратуре. В данной идее оппоненты фактического руководителя НКЮ увидели ничем не прикрытое желание последнего “получить уголовный розыск в свое распоряжение, завладеть функциями НКВД, переведя их в Наркомюст”.¹⁰⁵

Обвинения Крыленко в местничестве, в борьбе за личное влияние в государственном аппарате Советской России имели достаточно веские основания. Введение в компетенцию НКЮ вопросов нормативного регулирования уголовного судопроизводства в обход ВЦИК по сути означало придание ему функций никем не контролируемого законодательного органа. И в этом контексте, постоянно повторяемые слова Крыленко о “революционном правосознании”, как основном факторе последующего изменения “наказных статей”, могут восприниматься лишь как попытка подмены терминов. “Правосознание масс” в случае принятия проекта кодекса заменялось бы правосознанием одного человека, обладающего реальной властью в НКЮ.

К чему же сводилось основное содержание указанного законопроекта? В первую очередь, оно касалось перераспределения функций между звеньями судебной системы. Проект УПК предполагал наделение губернских судов полномочиями по рассмотрению дел об одних лишь контрреволюционных преступлениях. В компетенцию же народного суда передавались все прочие уголовные дела, во избежание “кошунственной”, по мнению Крыленко, ситуации, когда “губернский суд одновременно рассматривает дело об убийстве комсомолкой комсомольца, дело о зверствах педагогов ... - и тут же рядом дела о контрреволюции”.

Применение общих процессуальных норм в губернских судах называлось авторами проекта Кодекса не иначе, как “издевкой над пролетарской юстицией”.¹⁰⁶ В связи с этим предполагалось введение ряда новых положений, обеспечивавших скорый и суровый суд над врагами существующего строя. Основные из них заключались в следующем:

- обязательное участие в судебном заседании прокурора, который должен быть “хозяином процесса”;

---

¹⁰⁴ Там же. С. 119.

¹⁰⁵ Там же . № 2. С. 69.

¹⁰⁶ Там же. № 1. С. 107.

- решение самим судом вопроса о необходимости вызова свидетелей;
- недопустимость кассационного обжалования по мотивам “недоследованности дела” и по мотивам суровости репрессий.

Кроме того, проект УПК предоставлял право и губернским, и народным судьям не допускать участия в процессе защиты. Исключение из этого правила составляли лишь специально означенные в проекте случаи: участие в процессе государственного обвинителя, физическая неспособность обвиняемого самостоятельно давать объяснения в суде, специальное ходатайство общественной организации, в которой состоит обвиняемый.

По мнению Ю. Хаски, проект Наркомюста во многом предполагал возвращение к той системе судов, которая существовала в России в первые годы советской власти. При этом английский исследователь проводит очевидную параллель между “губернскими судами” проекта НКЮ и революционными трибуналами периода становления советского государства. Ту же параллель проводил при аргументации своей позиции и Н. Крыленко, считавший губсуд “наследником бывших революционных трибуналов”, который, однако, выполняет свою задачу далеко не так плодотворно, “как несли ее старые революционные трибуналы.”¹⁰⁷

Другой важной чертой содержания проекта УПК, отличавшей его от действовавшего законодательства, было устранение из уголовного судопроизводства принципа состязательности. Споры вокруг данного положения вскоре вылились в отдельную дискуссию о необходимости состязательности вообще. Главными ее участниками стали П. Стучка, А. Сольц и Н. Крыленко.

Точка зрения Крыленко заключалась в необходимости ликвидации института адвокатуры. Роль защитника обвиняемого должна была взять на себя прокуратура. Именно прокурор, объективный и беспристрастный, руководствующийся, в первую очередь интересами государства, по мысли Крыленко, должен был гарантировать всестороннее исследование имеющихся материалов в суде.

С резкой критикой усиления роли прокурора в советском уголовном судопроизводстве выступил А. Сольц. Он заявил о нецелесообразности отдавать весь процесс на откуп прокуратуре, отметив, что и без того “наш суд и вся наша карательная политика носят сугубо прокурорский характер”.¹⁰⁸ Взамен этого, Сольц предложил исключить из процесса и адвокатуру, и прокуратуру,

---

¹⁰⁷ Еженедельник советской юстиции. М., 1927. № 43. С. 1332-1333.

¹⁰⁸ Революция права. М., 1928. № 2. С.73.

предоставив все функции обвинения и защиты специально назначаемому докладчику, в задачи которого входило бы ознакомление суда со всеми доказательствами “за” и “против”. При этом Сольц специально подчеркивал, что докладчик должен быть особым должностным лицом, никак не связанным с прокуратурой.

Основным аргументом Сольца в пользу ликвидации адвокатуры было отрицательное влияние этого органа на общественное сознание и, главным образом, на отношение общества к суду. “Защита в суде, - писал Сольц,- ведет к недоверию населения в отношении суда. Человек считает, что защиту он может найти у адвоката и не считает, что такой защитой для него может быть сам суд.”¹⁰⁹

Вместе с тем, А. Сольц вовсе не выступал против юридической защиты как таковой. Но последняя, по его мнению, должна была осуществляться на стадиях досудебной подготовки дела: “Должны быть консультанты, к которым он (гражданин) обращается и которые ему дают советы.”¹¹⁰ Однако сам судебный процесс должен проходить без всяческого вмешательства извне.

Если сравнивать точки зрения, высказывавшиеся Крыленко и Сольцем по поводу принципа состязательности, очевидно, что позиция последнего была более радикальной. Однако, нельзя не заметить и того, что кардинально различными были и цели указанных юристов. Не приходится сомневаться в том, что Крыленко, говоря о необходимости коренных изменений в сфере судопроизводства, в первую очередь, ставил перед собой задачу усиления личного влияния. Во всяком случае, все его предложения прямо или косвенно способствовали именно этому. Здесь не будет лишним вспомнить, что, будучи в 1919 году Председателем коллегии обвинителей Революционного трибунала при ВЦИК, Н. Крыленко с той же присущей ему решимостью отстаивал права трибуналов, выступая против предоставления органам ВЧК судебных полномочий и заявляя, что именно в руках ревтрибуналов должны быть сосредоточены все нити борьбы с контрреволюцией. Десять лет спустя ситуация повторилась, с той, правда, разницей, что на сей раз органом, определяющим правовую политику, должен был стать Наркомюст.

Что касается позиции Сольца, она была продиктована искренним желанием избавить советский суд от тех элементов процесса, которые

---

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 74.

признавались автором буржуазными по своему происхождению и по своей сущности.

Главным оппонентом сторонников изменения принципов деятельности судебной системы выступил П. Стучка. В первые годы советской власти именно этот человек был наиболее яростным борцом за разрушение буржуазного нормативизма в праве. Сторонник интуитивной теории, считавший, что революционное правосознание судьи является основным источником права и главной руководящей основой судебной деятельности, П. Стучка за прошедшие со времени принятия первых Декретов о Суде десять лет в значительной мере изменил свои взгляды. В январе 1928 года он заявляет со страниц журнала “Революция права”, что “такие начала, как неприкосновенность личности, непосредственность, гласность и устность в процессе, равно как и право на защиту, являются по существу культурными завоеваниями, которые мы должны признать в числе других культурных завоеваний в классовом государстве диктатуры пролетариата.”¹¹¹ Что же способствовало такой значительной перемене, произошедшей во взглядах Стучки? Видимо, в качестве главной причины здесь необходимо назвать многолетнюю работу автора на посту Председателя Верховного Суда РСФСР, позволившую ему увидеть изнутри положительные черты той судебной системы и тех принципов судопроизводства, которые действовали к моменту свертывания нэпа.

Дискуссия о необходимости принципа состязательности вызвала неоднозначные отклики на местах. “Что дала нам эта состязательность?” – спрашивается в одном из многочисленных писем, адресованных в редакцию журнала “Рабочий суд”. ...Мы позволяем говорить сколько угодно, как в наших прениях, так и в репликах, мы позволяем допрашивать и переспрашивать, сколько заблагорассудится, и в результате мы имеем процессы, которые продолжаются по несколько недель, прения, которые продолжаются по несколько дней”¹¹². При этом состязательность признается автором письма основной причиной волокиты.

И все же большая часть откликов носила иной характер. “Огульное отрицание состязательной формы процесса есть детская болезнь левизны, - писал юрист В. Ундревич. - Оно столь же неосновательно, как отрицание наличия правовой формы.... Состязательная форма процесса, независимо от ее буржуазного происхождения, технически гораздо выше розыскной. Поэтому и

---

¹¹¹ Там же . № 1. С. 121.

¹¹² Рабочий суд. Л., 1928. № 1. С. 75.

технически ее использование гарантирует наилучшую работу суда в деле отыскания судебной истины”.¹¹³

“Высокомерное пренебрежение к юридической форме - оно еще сидит у многих, - писал Е. Пашуканис, - мстит нам, и мстит самым диалектическим образом - путем расцвета бессмысленного формализма и бюрократизма”.¹¹⁴

Против отказа от состязательности выступили такие известные деятели советской юстиции, как Председатель Верховного Суда СССР А. Винокуров, Председатель военной коллегии Верховного Суда СССР В. Ульрих, Председатель кассационной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РСФСР С. Александровский и другие.

В 1928 году в юридические издания поступает массовый поток писем от рабочих, служащих и крестьян, выражающих мнение о необходимости сохранения адвокатуры.

Судьба принципа состязательности было решена во многом благодаря конкретной политической ситуации в государстве. По мнению Ю. Хаски, советское правительство, планируя проведение индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства, не желало давать населению лишней повод для недовольства. Достаточно яркой иллюстрацией сказанного является фраза, прозвучавшая на одном из политических диспутов в 1928 году: “Сказать крестьянину, что он не имеет права на защиту - недопустимо.”¹¹⁵

Что же касается судьбы упомянутого проекта Уголовно-Процессуального Кодекса, в 1929 году он был представлен Наркомюстом на рассмотрение СНК РСФСР. Уже на этой стадии в проект были внесены существенные поправки, означавшие серьезное поражение сторонников устранения принципа состязательности из уголовного процесса. Так СНК исключил из проекта УПК нормы об исключительном праве обвинителя решать вопрос о вызове свидетелей и о праве суда решать вопрос о допуске защитника. Однако и в таком виде указанный документ не был одобрен Президиумом ВЦИК. На заседании этого органа 20 октября лишь отдельные непринципиальные положения проекта были приняты в качестве дополнений к действовавшему УПК.

Необходимо отметить, что одним из проявлений отдельных тенденций к отклонению от принципа законности в период свертывания нэпа было серьезное

---

¹¹³ Революция права. М., 1928. № 1. С. 48-49.

¹¹⁴ Там же. М. 1927. № 3. С. 7.

¹¹⁵ Хаски Ю. Указ. соч. С. 116.

изучение и обсуждение в академических кругах вопроса о скором исчезновении государства и права, что повлекло за собой и резкое снижение числа желающих обучаться юридическим дисциплинам, и значительный подрыв авторитета правоохранительных органов. Идея о скором исчезновении советского государства находила теоретическое обоснование, в первую очередь, в работах Н. Бухарина. Бухарин считал, что уже вскоре после победы социалистической революции неизбежен процесс “крутого падения вниз кривой роста пролетарской государственности”, ибо “главная задача государственной власти как таковой, задача подавления буржуазии, будет закончена.”¹¹⁶ Из этой формулы хорошо видно, что Н. Бухарин видел в государстве лишь средство разрушения пережитков старого общественного уклада, практически отрицая его созидательную роль.

Очевидно, что данные идеи были несвоевременны и вредны в условиях советского государства конца 20-х годов. Однако, как и мысль о необходимости возвращения к революционному правосознанию как основному источнику права, утверждение о скором исчезновении права нашло определенную поддержку на местах. В 1929 году Председатель областного суда области Коми издает Циркуляр “Об отмирании суда”. На адрес НКЮ приходят письма ответственных судебных работников, ставящих вопрос о необходимости ликвидации судов.¹¹⁷ Отдельные судьи под влиянием ведущихся научных споров при вынесении приговоров по уголовным делам начинают ссылаться исключительно на принципы советского уголовного права, совершенно игнорируя нормы Особенной части УК РСФСР.

Значительное влияние на оздоровление ситуации в сфере правовой науки и, как следствие, в сфере правотворчества и правоприменения сыграли выступления в 1929 году И. В. Сталина, неоднократно заявлявшего, что целью партии и правительства на данном этапе является укрепление советской государственности.

По поводу возможного отмирания государства стоявший на позициях Сталина А. Я. Вышинский писал: “К этому будущему мы стремимся и за него боремся, но должны помнить, что в настоящее время нельзя и говорить о возможности обходиться без этого “особого аппарата для принуждения”. ... Всякая болтовня в настоящее время об отмирании государства так же вредна, как болтовня об отмирании денег и переходу к “продуктообмену”,

---

¹¹⁶ Бухарин Н. И. Экономика переходного времени. М., 1920. С. 156.

¹¹⁷ Вышинский А. Я. Революционная законность на современном этапе. М., 1932. С. 42.

антибольшевистский характер которой специально подчеркнут XVII партконференцией”.¹¹⁸

В работе “Вопросы ленинизма” Сталин, упоминая о государственных чиновниках, отрицающих созидательную роль государства, пишет о том, что необходимо “без колебаний снимать их с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом. ... Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину во всей нашей работе.”¹¹⁹

Именно в качестве одного из следствий жесткой позиции лидера ВКП(б) в отношении всякого рода попыток реанимации правовой теории, господствовавшей в период “военного коммунизма”, следует понимать Постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 года “О революционной законности”.¹²⁰ В этом документе, предписывавшем всем органам государственной власти строгое соблюдение нормативных актов, предусматривался ряд мероприятий, призванных способствовать закреплению за принципом законности приоритетных позиций. Среди них - “проведение проверок заявлений о фактах нарушения законности с наложением взысканий на виновных лиц вплоть до предания их суду”, отмена всех наложенных ранее незаконных административных взысканий, устранение фактов незаконного раскулачивания, категорическое запрещение снятия или перемещения народных судей иначе как по постановлению краевых (областных) исполкомов, а районных прокуроров - иначе как решением краевого (областного) прокурора или вышестоящих органов прокуратуры и НКЮ. В тот же день ЦК ВКП(б) принимает обращение “Ко всем краевым и областным партийным комитетам, ЦК национальных республик и всем районным партийным комитетам”, в котором требует “последовательно проводить в жизнь указание партии о строжайшей ответственности коммунистов за малейшую попытку нарушения законов”.

Приведенные документы, однако, нельзя расценивать как свидетельства резкого поворота государственной политики в сторону правового догматизма. Тот же А. Я. Вышинский в 1932 году писал, что революционная законность “требует гибкого (что не значит произвольного) отношения к закону”.¹²¹ Однако, говоря о “гибкости” закона, Вышинский в данном случае имел в виду вовсе не свободное

---

¹¹⁸ Там же. С. 40 - 41.

¹¹⁹ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М., 1953. С. 593.

¹²⁰ СЗ СССР 1932. № 50. Ст. 298.

усмотрение исполнителя закона (в том числе и судьи), а волю высших государственных органов, которые и должны формировать правовую политику и контролировать процесс ее реализации. Именно с этой точки зрения некоторые законы, по мнению Вышинского “могут быть отложены в сторону ... в целях экспроприации экспроприаторов”, поскольку “в пролетарском государстве всякое мероприятие - и “законное”, и “чрезвычайное” - имеет своим источником диктатуру пролетариата.”¹²²

Таким образом, можно сделать вывод о том, что и Сталин, и Вышинский в начале 30-х годов стояли на тех же теоретических позициях, которые были выработаны и господствовали в период нэпа, с той лишь разницей, что “нэповская законность” расценивалась как явление вынужденное и временное, а “социалистическая законность” в работах ее защитников в 30-е годы - как закономерный и необходимый этап в развитии советской государственности, как явление, установившееся “всерьез и надолго”. И именно эта теоретическая база стала фундаментом деятельности советских судебных органов на протяжении последующих 60 лет.

Последним всплеском активности противников принципа законности стала разработка в НКЮ проекта нового Уголовного Кодекса, главной чертой которого была пропагандируемая Н. Крыленко “дефетишизация” конкретных составов преступлений или, иначе говоря, отказ от Особенной части УК, которую предлагалось заменить “наметками мероприятий, проводящихся в каждом отдельном случае”. Указанный проект ввиду его кардинального несоответствия линии, проводимой партией в данный период, был отвергнут. Вышинский, выступивший с критикой его разработчиков, заявил об ошибочности концепции документа в условиях, “когда партия устами своего вождя сокрушительно бичует зазнавшихся вельмож, думающих, что законы написаны для дураков.” Нельзя допустить, - подчеркивал далее Вышинский, - чтобы каждый судья творил по своему закону.”¹²³

Курс партии на укрепление принципа законности начиная с 1932 года усиленно доводится до судей на местах. Основными формами воздействия на судейский корпус были публичные выступления деятелей советской юстиции, пропаганда в средствах массовой информации и, разумеется, акты высших судебных органов. Так, например, Пленум Верховного Суда СССР 7 июля 1934

---

¹²¹ Еженедельник советской юстиции. М., 1932. № 19. С.7.

¹²² Вышинский А. Я. Социалистическое строительство, социалистическая законность и задачи советской юстиции. Ч. 1. М., 1935. С. 28.

года издает постановление, в котором все нижестоящие суды призывались к строжайшему соблюдению всех существующих уголовно-процессуальных норм, в том числе норм, относящихся к порядку проведения судебного заседания.¹²⁴

Дискуссия о принципах судоустройства и судопроизводства в СССР, основные моменты которой были изложены, имеет огромное значение для понимания процессов, происходивших в правовой политике нашего государства после свертывания нэпа. В ходе ее решалась судьба советского суда. Основным результатом дискуссии стало утверждение принципа законности, что можно считать огромным шагом вперед на пути стабилизации общественных отношений и укрепления государственности. Сторонники интуитивного подхода к праву получили серьезный отпор и были вынуждены отказаться от открытой пропаганды своих идей. Следует согласиться с Ю. Хаски, считавшим, что “в результате вытеснения правового нигилизма идеями Вышинского, советское общество двинулось в сторону правового формализма, при котором правовые нормы объявлялись основным гарантом существования социально-экономической системы.”¹²⁵ В то же время достаточно спорным представляется мнение Т. Н. Добровольской и некоторых других отечественных специалистов о том, что основными чертами развития права в 30-е годы являлись “нигилистическое отношение к закону” и “нарушение нормальных предусмотренных законом правил”¹²⁶. Напротив, именно в данный период истории отечественного государства и права, несмотря на всю его сложность и неоднозначность, несмотря на все его “минусы”, закладываются основы социалистической законности и уходит в историю отношение к закону как временному и второстепенному явлению действительности.

§ 2. Основные изменения, произошедшие в советской судебной системе в 1930-е годы.

Одним из важнейших мероприятий, проводившихся в 30-е годы с целью укрепления советской государственности, стала централизация всего государственного аппарата в рамках СССР. Результаты целенаправленно проводимой централизации заметны в начале 30-х годов практически во всех основных сферах функционирования государства: в налоговой политике,

---

¹²³ Вышинский А. Я. Речь тов. Сталина 4 мая и задачи советской юстиции. М., 1935. С. 50.

¹²⁴ Сборник Циркуляров Верховного Суда СССР. М., 1935. С. 88.

¹²⁵ Хаски Ю. Указ. соч. С. 145.

ставившей себе целью аккумуляцию поступающих денежных средств в центре с последующим распределением их в регионы; в кредитной политике, ставившей Государственный Банк в роль “общегосударственного аппарата учета производства и распределения продуктов”, в сфере надзора за законностью (образование Прокуратуры СССР) и др.

Централизация всего государственного аппарата в рамках СССР не могла не коснуться судебной системы. Юридические журналы 30-х годов последовательно пропагандируют мысль о том, что одной из основных задач советской юстиции на новом этапе является “объединение работы всех судебных органов, создание условий для улучшения качества работы судов, для лучшей их организации и управления, для лучшего объединения руководства”.¹²⁷

В сентябре 1933 года Президиум ЦИК СССР принимает Постановление “О расширении компетенции Верховного Суда СССР”.¹²⁸ В соответствии с этим документом Верховный Суд СССР получал право проведения обследований судебных органов республик, что делало его контрольным органом и в этом смысле значительно повышало его роль в советской судебной системе. Тенденция к увеличению прав Верховного Суда СССР и усилению его влияния на республиканские суды в очередной раз проявила себя в июле 1934 года, когда в составе этого органа была учреждена судебно-надзорная коллегия.¹²⁹ В нее входили Председатель Верховного Суда СССР и два его заместителя. Функцией вновь образованной коллегии было рассмотрение протестов на приговоры и решения коллегий самого Верховного Суда СССР, а также на постановления Президиумов и Пленумов Верховных Судов союзных республик, причем все вышеуказанные акты судебно-надзорная коллегия имела право отменять.

Параллельно с усилением влияния Верховного Суда СССР в 1933 году начинается процесс освобождения этого органа от тех функций, которые не были связаны непосредственно с осуществлением правосудия. Начальным шагом на этом пути было лишение Верховного Суда в июне 1933 года полномочий в сфере конституционного надзора, отошедших к созданной тогда же Прокуратуре СССР. А завершился этот процесс позднее, с принятием Закона СССР о судеустройстве, о чем еще пойдет речь ниже.

К 1935 году в правительственных кругах возникает идея о более глобальном реформировании судов, которое затронуло бы не только высшие

---

¹²⁶ Добровольская Т. Н. Верховный Суд СССР. М., 1964. С. 38.

¹²⁷ Советская юстиция. М., 1936.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 12. Д. 540. Л. 5.

звенья судебной системы, но и все судебные органы, начиная с народных судов. В качестве основной причины возникновения этой идеи можно назвать курс, проводимый партией на демократизацию советского законодательства ввиду изменений общественных отношений в СССР. Для разработки основ реформирования советского суда в 1935 году при ЦИК СССР создается комиссия по выработке союзных кодексов и положения Союза ССР и союзных республик о судостроительстве. В архивных фондах Центрального Исполнительного Комитета сохранились лишь отдельные протоколы заседаний этой комиссии. Из их содержания можно сделать вывод о ее составе. В нее входили А. Я. Вышинский, И. А. Булат, Я. Э. Радзутак, Г. И. Волков, Н. И. Крыленко, А. А. Винокуров. Активное участие в работе комиссии также принимали Акулов, Агранов, Пашуканис, Ульрих, Берман, Строгович, Булатов, Бранденбургский, Бельский, Минкин, Уншлихт и другие видные политические деятели того времени.¹³⁰ Главная роль в деятельности комиссии, безусловно, принадлежала А. Я. Вышинскому. В отдельных неофициальных документах даже сама комиссия носит наименование “комиссии Вышинского”. К тому же именно Прокурором СССР Вышинским и был разработан в 1935 году первый проект Положения о судостроительстве.¹³¹ Уже сам факт разработки такого документа говорит об усиливавшейся тенденции к централизации судебной системы. Впервые в СССР появляется проект документа, целью которого являлась унификация норм в сфере судостроительства в масштабе всего Союза. Остановимся на отдельных его моментах.

Статья 1 проекта говорила о том, что на территории СССР “осуществление судебных функций какими-либо органами, непредусмотренными Положением о судостроительстве Союза ССР и союзных республик или специальными постановлениями правительства не допускается.” Нужно отметить, что в этой статье совершенно четко выразились теоретические взгляды Вышинского на социалистическую законность и революционную целесообразность. С одной стороны, отвергая возможность создания самочинных судебных органов в республиках, данная статья не закрывала для высших государственных органов возможности создания органов внесудебной репрессии на случай возникновения ситуации, при которой законы все-таки “могут быть отложены в сторону ... для экспроприации экспроприаторов”. Одновременно она подтверждала законность

---

¹²⁹ СЗ СССР. 1934. № 36. Ст. 284.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 196.

¹³¹ Там же.

деятельности уже существовавших к тому моменту органов внесудебной репрессии (Особых совещаний, созданных в 1934 году.)

Целый ряд статей проекта Вышинского предполагал изменение порядка формирования судейского корпуса. Судьи и народные заседатели всех судов, действующих на территории СССР, в соответствии с проектом должны были избираться населением на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании.

Статья 15 проекта предусматривала конкретные гарантии независимости судей. Так, возбуждение уголовного преследования в отношении народных судей, членов краевых (областных) судов и судей областных судов автономных областей могло иметь место лишь по Постановлению Прокурора СССР или прокурора союзной республики. Предание суду указанных лиц могло проводиться только по постановлению вышестоящего суда. Что же касается членов Верховных Судов СССР и союзных республик, уголовное преследование в их отношении было невозможно без согласия на то Президиума Верховного Совета СССР или Президиума Верховного Совета соответствующей республики.

Упоминание в тексте проекта Положения о судеустройстве Верховного Совета как высшего органа государственной власти СССР говорит о том, что во второй половине 1935 года “комиссия Вышинского” работала в тесной связи с комиссиями, разрабатывавшими разделы будущей Конституции СССР, относящиеся к системе высших органов власти и управления.¹³²

В проекте не было норм, касавшихся разграничения полномочий различных звеньев судебной системы. Однако, данный вопрос обсуждался, о чем можно сделать вывод на основе анализа переписки между отдельными членами комиссии. Судя по всему, и Вышинский, и Крыленко склонялись к тому, чтобы расширить компетенцию краевых (областных) судов за счет уменьшения количества категорий дел, подсудных народному суду. В связи с этим, Крыленко даже предлагал в качестве способа решения неизбежной проблемы чрезмерной загруженности судов второго звена ввести институт уполномоченных краевого (областного) суда на местах.¹³³

Что же касается Верховного Суда СССР, проект называет его высшим судебным органом СССР, осуществляющим руководство всей судебной системой. В частности, статья 61 проекта говорила о том, что “Пленум Верховного Суда

---

¹³² Подробнее о процессе работы Конституционной комиссии см. Курицын В. М. О разработке проекта Конституции СССР 1936 года. // Право и жизнь. М., 1996. № 10.

¹³³ Там же. Л. 35.

СССР осуществляет руководство и судебный надзор в отношении всех судебных органов Союза ССР и союзных республик.” Однако, примечательно, что помимо чисто судебных функций, проект Вышинского предполагал снова наделить Верховный Суд полномочиями в сфере конституционного надзора. Данный орган должен был рассматривать на предмет соответствия Конституции отдельных нормативных актов, принятых высшими органами власти республик, причем делать это по представлению высших органов государственной власти Союза ССР.

Первоначальный проект Положения о судоустройстве вызвал довольно резкую критику со стороны отдельных юристов, особенно со стороны основного оппонента Вышинского - Н. Крыленко. Основной “минус” проекта Крыленко видел в неразработанности в данном документе многих конкретных проблем, относящихся к организации судебной системы. Крыленко подчеркивал, что Положение — это не Основы законодательства о судоустройстве, что оно “должно быть исчерпывающим и оставлять на усмотрение республиканского законодательства только второстепенные проблемы”.¹³⁴

Кроме того, Крыленко был не согласен с тем порядком выборов судей, который предусматривался в проекте. В докладе ЦИКу о работе комиссии заместитель Прокурора СССР Г. Рогинский отмечал: “... т. Крыленко согласен установить выборность населением народных судей, судей же краевого (областного) суда т. Крыленко предлагает избирать в порядке ныне действующего Постановления, то есть местными советами и исполкомами.”¹³⁵

Изменение проекта, выработанного в 1935 году, однако, пришлось отложить до более позднего времени, поскольку на повестке дня стоял другой, более важный вопрос: разработка главы будущей Конституции СССР, посвященной проблемам организации суда и прокуратуры.

К сожалению, архивные материалы не позволяют проследить весь ход работы комиссии над главой IX проекта Конституции. Однако и на основании окончательного ее проекта, подготовленного к маю 1936 года, можно делать выводы о серьезности тех нововведений, которые вносились в советскую судебную систему.

Статья 102 проекта Конституции СССР, открывавшая IX главу, перечисляла органы, которые могли осуществлять правосудие на территории страны: “Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР,

---

¹³⁴ Там же. Л. 20.

¹³⁵ Там же. Л. 31.

Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами.”

Статья 103 закрепляла принцип участия народных заседателей в рассмотрении уголовных и гражданских дел.

Статья 104 формулировала функции Верховного Суда СССР: “Верховный Суд СССР является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик”. Данная норма, собственно, была призвана завершить процесс централизации судов в рамках СССР, делая Верховный Суд вершиной стройной пирамиды советских судебных органов и предоставляя ему важные полномочия в отношении нижестоящих судов.

Статьи 105 - 109 проекта регламентировали порядок формирования различных судебных органов. Верховный Суд СССР и специальные суды в соответствии со ст. 105 избирались Верховным Советом СССР сроком на 5 лет. Верховные Суды союзных и автономных республик избирались Верховными Советами данных республик сроком на 5 лет (ст. 106, 107). Краевые, областные суды, суды автономных областей и окружные суды избирались соответствующими советами депутатов трудящихся на тот же срок (ст. 108). Очень важное новшество вносил в процесс формирования судебной системы статья 109 проекта Конституции, предусматривавшая выборы народных судей населением на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании, что означало проведение в жизнь принципа выборности судей без всяких ограничений по классовому или какому-либо иному признаку.

Статья 110 проекта закрепляла принцип национального языка судопроизводства.

Статья 111 провозглашала принципы открытости судопроизводства и обеспечения обвиняемому права на защиту.

И, наконец, статья 112 проекта провозглашала, что “судьи независимы и подчиняются только закону.”

12 июня 1936 года проект Сталинской Конституции был опубликован для всенародного обсуждения. Процесс обсуждения проходил достаточно бурно, анализировался в периодической печати, а результаты его дают основание сделать вывод не только о высоком уровне политической активности граждан, но и о высоком уровне их юридического мышления. Отдельные предложения,

поступавшие с мест в ходе обсуждения проекта, со временем стали нормами советского законодательства.

Необходимо отметить, что по количеству внесенных предложений глава IX проекта Конституции, посвященная вопросам организации и деятельности суда и прокуратуры, заняла одно из первых мест. Из-за невозможности в рамках данной работы рассмотреть все поступавшие предложения, остановимся на тех из них, которые встречались наиболее часто и имели под собой реальную основу.

Так большая группа писем и телеграмм граждан была посвящена проблеме наличия необходимых юридических знаний у судей и народных заседателей. Например, предлагалось дополнить статью 103 проекта указанием на то, что “выбранные народные заседатели должны пройти краткосрочную юридическую подготовку”¹³⁶ или же словами о том, что “заседатели ответственны за правильное рассмотрение дела”.¹³⁷ Автор предложения вполне обоснованно полагал, что “правильность рассмотрения дела” в условиях господства принципа законности невозможно без знания действующих законов и умения правильно их применять.

Гораздо более жесткие требования, по мнению ряда граждан, должен был предъявлять законодатель к судьям. 28 июля 1936 года газета “Советская торговля” писала: “Любой ли гражданин может быть избран народным судьей? Этот вопрос возникает, когда читаешь статью 109 проекта Конституции. Известно, что до сих пор есть еще много неграмотных судей, неспособных правильно разобрать тот или иной поступок гражданина и вынести правильное решение. ... Нужно прямо указать, что в народные судьи должны избираться граждане, имеющие специальное юридическое образование. Это же самое нужно указать и в отношении защитников.”

В отдельных телеграммах звучало предложение дополнить статью 107 проекта Конституции нормой, в соответствии с которой “избираться судьей может лишь лицо, закончившее высшее учебное заведение по юридическому профилю.”¹³⁸

Данная идея, однако, не нашла своего закрепления ни в тексте Конституции СССР, ни в принятом позднее Законе СССР о судеустройстве. Причем уже в ходе разработки Закона в 1938 году НКЮ СССР таким образом аргументировал нежелательность внесения этой нормы в текст документа: “Установление определенных ограничительных условий для занятия должности

---

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 23. Л. 9.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. Д. 25. Л. 18.

судьи не соответствует последовательно проводимому принципу выборности судей, при котором сами избиратели должны решить вопрос о том, доверяют ли они данному кандидату выполнение ответственных функций судьи и имеет ли этот кандидат в их глазах авторитет.”¹³⁹

Думается, однако, что работники НКЮ выступали против введения образовательного ценза для судей скорее по причине острой нехватки хорошо обученных кадров. Материалы архивов Наркомюста говорят о достаточно сложной и неоднозначной ситуации в этой области. Весьма показательным здесь выглядит следующий факт. В 1935 году при разработке проекта Положения о судеустройстве Вышинский предлагал внести в текст данного документа норму, в соответствии с которой обязательное высшее образование требовалось бы для кандидатов на должность следователя. НКЮ тогда выступил против этой инициативы, заявив, что “в этой фразе нужно выкинуть слово “высшее”, просто сказав “юридическое образование”, иначе придется выгнать сразу 9/10 всех следователей.”¹⁴⁰

Другая большая группа предложений касалась изменения срока полномочий судей. Гражданами назывались самые различные варианты: от 1 года до 5 лет. При этом низкие сроки, как правило, мотивировались необходимостью дать возможность как можно большему числу людей пройти через практику судебной работы, высокие - желанием гарантировать независимость судей от местной власти. При этом в некоторых выступлениях звучала идея о закреплении в Конституции нормы, в соответствии с которой судья не имел бы права занимать одновременно другую выборную должность в каком бы то ни было государственном органе.¹⁴¹

Среди предложений, относившихся к проблемам организации и функционирования высшего звена советской судебной системы, можно выделить следующие. Так, один из служащих советского государственного аппарата, принимавший участие в обсуждении проекта, предлагал: “В целях поднятия авторитета Верховного Суда СССР необходимо, чтобы он избирался непосредственно населением на основе всеобщего избирательного права”.¹⁴² В другом выступлении, посвященном этой же проблеме, звучит иная мысль: “Верховный Суд должен избираться из числа депутатов Верховного Совета

---

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 196. Л. 23.

¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 25. Л. 19.

¹⁴² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 24. Л. 12.

СССР”.¹⁴³ Некоторые телеграммы и письма граждан содержат в себе такие интересные предложения, как возложение на Верховный Суд функции толкования законов и образование при Верховном Суде специального отдела юстиции с передачей ему всех полномочий Наркомюста.¹⁴⁴ Последнее предложение было вызвано, видимо, желанием освободить высший судебный орган от опеки со стороны органа административного.

Довольно большое внимание при обсуждении проекта Основного Закона уделялось гражданами проблемам организации защиты. В данный период возникает даже особое понятие “урезки защиты”, включавшее в себя те положения, которые отсутствовали к 1936 году в советском законодательстве, но рассматривались отдельными специалистами как необходимые новшества, способные оптимизировать работу правоохранительной системы. Сюда относились, например, такие меры, как допуск защитника к участию в уголовном процессе с момента начала предварительного следствия и “предоставления защитнику наравне с прокурором права обжалования судебного приговора в Пленум Верховного Суда.”¹⁴⁵

Интересно, что с расширением полномочий защиты были согласны и отдельные работники прокуратуры. Так прокурор Таласского района в газете “Советская Киргизия” писал: “К проекту Конституции следует внести пункт о защите. ... Пора поставить советскую защиту в такие условия, когда защитник со стадии предварительного следствия, кроме контрреволюционных преступлений, мог бы оказывать юридическую помощь обвиняемому.”¹⁴⁶

Некоторые работники юстиции, не затрагивая указанные “урезки защиты”, просто предлагали дополнить статью 111 проекта Конституции нормой об организации коллегий защитников, что способствовало бы поднятию их авторитета.

Многие граждане настаивали в ходе обсуждения на создании в СССР системы бесплатной адвокатуры. Народный судья Н. Сердюк из Омской области в письме, адресованном в НКЮ Союза ССР, говорит: ”В процессе судебного разбирательства я наблюдал, что многие из трудящихся, когда предстанут перед судом, теряются, не умея говорить. ... Но не каждый сможет оплатить защиту вследствие материальных условий. Статья 111 гласит: “Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения с

---

¹⁴³ Там же. Л. 5.

¹⁴⁴ Там же. Д. 23. Л. 15.

¹⁴⁵ Советская юстиция. М., 1936. № . С.

обеспечением обвиняемому права на защиту.” Мое дополнение такое: “... с обеспечением бесплатного права на защиту по уголовным и гражданским делам.”¹⁴⁷

Отдельные авторы предложений считали, что право иметь защитника со стадии предварительного следствия должны иметь не все граждане, а лишь наименее защищенные их категории, например, несовершеннолетние в возрасте до 16 лет.¹⁴⁸

Все приведенные выше мнения дают основание говорить о большом интересе, проявленном гражданами к тем существенным изменениям, которым должна была подвергнуться советская судебная система с принятием Конституции. Позволяют они сделать и еще один немаловажный вывод - о том, что сознание населения советской страны к 1936 году уже в достаточной степени впитало в себя основы осуществляемой правовой доктрины, ядром которой был принцип законности.

После всенародного обсуждения проект Конституции вместе с внесенными предложениями по его изменению был передан на рассмотрение редакционной комиссии Чрезвычайного VIII Всесоюзного Съезда Советов. На этой стадии в текст первоначального проекта было внесено лишь одно дополнение. Статью 104 проекта, гласившую: “На Верховный Суд СССР возлагается надзор за деятельностью всех судебных органов Союза ССР и союзных республик”, комиссия сформулировала в следующей редакции: “На Верховный Суд СССР возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов Союза ССР и союзных республик”, еще раз тем самым подчеркнув, что высший судебный орган страны должен быть освобожден от организационных функций.¹⁴⁹

Принятие Конституции обусловило продолжение работ над Положением Союза ССР и союзных республик о судеустройстве. Многие вопросы, связанные с содержанием этого нормативного акта, как было показано выше, обсуждались и разрабатывались еще с 1935 года. Однако теперь разработчикам Положения надлежало взглянуть на текст создававшегося документа несколько по-иному - с учетом тех новых реалий, которые внесла в общественную жизнь Конституция 1936 года. По словам Председателя Верховного Суда СССР Голякова, начавшего принимать активное участие в работе проектной комиссии после 1936 года,

---

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 26. Л. 17.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же. Л. 15.

необходимо было “дать такой закон, который полностью вытекал бы из основ сталинской Конституции”.¹⁵⁰ Из этих же основ вытекала и сама необходимость подобного закона, поскольку статья 14 Конституции СССР относила издание законов о судостроительстве, равно как и законов в области уголовного, гражданского, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права, к ведению Верховного Совета СССР. Новый вариант Положения, разработанный под руководством того же А. Я. Вышинского и существенно отличавшийся от проекта 1935 года, был готов уже в феврале 1937 года. Однако из-за необходимости дополнительного согласования и обсуждения отдельных статей этого документа, решено было представить его на рассмотрение 2-ой сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва, открывавшей свою работу в сентябре 1938 года. В течение года, прошедшего с момента разработки нового проекта Положения до момента его принятия, документ неоднократно обсуждался в Народном Комиссариате Юстиции СССР. Однако, предложения, вносившиеся там, касались, по большей части, лишь изменения редакции отдельных формулировок и не имели принципиального значения.

Верховный Совет принял Положение Союза ССР и союзных республик о судостроительстве без каких-либо существенных изменений.¹⁵¹ На самой сессии депутатами было внесено лишь одно серьезное дополнение в текст документа. Оно касалось включения в данный нормативный акт новой статьи (ст. 29), обязывавшей судей отчитываться о проделанной работе перед своими избирателями. Проблема подотчетности, как говорилось выше, поднималась еще в процессе всенародного обсуждения Конституции. Теперь, в 1938 году, она нашла свое разрешение. Необходимо отметить, что норма эта сразу же начала работать и давать результаты на практике. Известно, что за 1938 год в СССР было проведено около 18 тысяч отчетных докладов судей, а в первом квартале 1939 года - уже более 12 тысяч докладов.¹⁵² И несмотря на эти довольно высокие цифры, НКЮ СССР в конце 30-х годов постоянно отмечал недостаточную охваченность народных судей действием данной нормы.

Закон Союза ССР и союзных республик о судостроительстве 1938 года решал несколько важных проблем. Во-первых, он устранял многочисленные архаизмы, содержащиеся в старом республиканском законодательстве. Например, в Положении о судостроительстве РСФСР говорилось о губернских судах, хотя в 1938

---

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 3. Л. 11.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 8041. Оп. 1. Д. 318. Л. 12.

¹⁵¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. № 11.

году губерний в России уже не было. Законодательство Украины содержало нормы об окружных судах, в то время как Украина к данному моменту была разделена на области. В старых актах о судеустройстве говорилось о наличии в судах органов следствия, а они уже более десяти лет находились в ведении прокуратуры. В тех же актах прокуратура рассматривалась как “составная часть судебного ведомства” в то время, как она к 1938 году была уже самостоятельным органом, осуществлявшим надзор за законностью деятельности всего государственного аппарата.

Другим, не менее важным следствием принятия Закона, стала унификация всех норм в сфере судеустройства на территории СССР и приведение их в соответствие с Конституцией СССР. До 1938 года некоторые вопросы регулировались в разных республиках по-разному. Так, например, не существовало четкого единообразия в нормах, регулировавших процесс формирования корпуса судей. В РСФСР действовало правило о необходимости двухлетнего стажа для кандидата в судьи. В БССР подобной нормы не было. К тому же республиканское законодательство содержало многочисленные ограничения для участия в выборах лиц по классовому и профессиональному признакам. Поскольку Конституция 1936 года отменила все классовые ограничения, существовавший порядок выборов противоречил Основному Закону и его нужно было менять. Закон о судеустройстве решал данный вопрос, уже целиком основываясь на конституционных нормах, указав, что судьи народных судов избираются населением на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на 3 года, а члены краевых (областных) судов - соответствующими советами сроком на 5 лет.

Закон четко разграничил компетенцию народных судов и краевых (областных) судов, причем сделал это не так, как планировала проектная комиссия 1935 года. Основным звеном судебной системы признавался народный суд. В сферу его полномочий входило рассмотрение уголовных дел о совершении преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства граждан, имущественных преступлений, большей части должностных преступлений, преступлений против порядка управления. В области гражданского судепроизводства народному суду были подсудны жилищные дела, дела по искам об имуществе; по искам, связанным с нарушением законов о труде; по искам об уплате алиментов; по искам о наследстве.

---

¹⁵² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 363. Л. 54.

Что же касается сферы деятельности краевых (областных) судов, она включала в себя рассмотрение и разрешение уголовных дел о контрреволюционных преступлениях, об иных особо опасных государственных преступлениях, преступлениях против общественной безопасности, отдельных должностных преступлениях, а также рассмотрение и разрешение дел по обвинению в хищении социалистической собственности и выпуске недоброкачественной продукции.

Причина отхода разработчиков Закона с тех позиций в отношении решения данного вопроса, на которых они стояли в 1935 году, заключается в очевидном противоречии этих позиций Конституции СССР 1936 года. Ведь существенное увеличение полномочий судов второго звена за счет сужения компетенции народных судов означало бы отдаление суда от народа, и никакое введение новых институтов (как, например, института уполномоченных краевых (областных) судов на местах) проблемы не решало. Конституция же, напротив, развивала демократические основы формирования и функционирования государственного аппарата; следовательно, старая концепция разграничения подсудности становилась нежелательной.

Закон освобождал судей от возложенных на них ранее административных обязанностей, включив их в компетенцию НКЮ СССР. Суд становился “только органом, осуществляющим правосудие, только органом, решающим судебные дела.”¹⁵³

Верховные Суды союзных республик рассматривали по существу дела, отнесенные законодательством к их компетенции, а также являлись кассационной инстанцией по решениям, вынесенным краевыми (областными) судами и надзорной инстанцией по отношению к решениям всех судов республики.

Верховный Суд СССР назывался в Законе о судоустройстве высшим судебным органом Союза ССР, осуществляющим надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР. Основной формой осуществления им надзорной деятельности было рассмотрение протестов Прокурора СССР и Председателя Верховного Суда СССР на приговоры и решения всех нижестоящих судов, вступившие в законную силу.

Закон также регламентировал организацию и деятельность специальных судов, выполнявших в судебной системе свои специфические функции. К ним

---

¹⁵³ Там же. Д 1499. Л. 116.

относились военные трибуналы, линейные суды железнодорожного транспорта и линейные суды водного транспорта.

Наконец, еще одним очень важным новшеством являлось то, что Закон существенно сократил число лиц, имеющих право приносить протесты в порядке надзора и число органов, обладающих правом рассматривать в порядке надзора уголовные лица. Если до 1938 года правом опротестования приговоров обладали районные прокуроры, краевые (областные) прокуроры, прокуроры республик, Прокурор СССР, а также председатели краевых (областных), республиканских судов и Председатель Верховного Суда СССР, то с принятием Закона о судеустройстве этот круг сократился до четырех категорий должностных лиц: Прокурора СССР, Председателя Верховного Суда СССР, прокуроров союзных республик и председателей Верховных Судов союзных республик. Из перечня органов, наделенных правом рассмотрения дел в порядке надзора исчезли Президиумы Верховных Судов республик и Президиумы краевых (областных) судов. Данная мера, по мысли авторов проекта Закона, должна была положить конец волоките в сфере надзорного производства и ускорить процесс рассмотрения дел в надзорной инстанции.

Некоторые отечественные исследователи считали централизацию судебного надзора, произошедшую в результате внесения в Закон о судеустройстве указанных норм излишней, приводившей к ухудшению качества работы высших судебных органов.¹⁵⁴ В значительной степени с этой точкой зрения можно согласиться. Верховные Суды Союза ССР и союзных республик поначалу, действительно, оказались в сложной ситуации. Например, в докладной записке Верховного Суда РСФСР в ЦК ВКП(б) о работе этого органа за 1938 год отмечался факт резкого увеличения количества уголовных и гражданских дел, поступавших в коллегии.¹⁵⁵ В связи с этим значительно возросла загруженность коллегий. Высший судебный орган РСФСР, в составе которого в то время находилось всего 45 человек, перестал справляться с огромным массивом работы. По данным на декабрь 1938 года остаток нерассмотренных дел в Верховном Суде РСФСР составлял около 9000. Всего же, судя по статистике, сохранившейся в архивных материалах, нагрузка, выпадавшая в данный период на членов Верховного Суда РСФСР, изменялась следующим образом: за три первых квартала 1938 года (до издания Закона о судеустройстве) в производстве этого органа находилось 18 466 дел, в четвертом квартале 1938 года (сразу после

---

¹⁵⁴ Добровольская Т. Н. Указ. соч.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3с. Д. 34с. Л. 2.

принятия Закона) в Верховный Суд РСФСР поступило 21 745 дел, а в 1939 году - уже 157 374 дела.¹⁵⁶ Конечно, такое колоссальное увеличение нагрузки не могло не отразиться на качестве работы судей.

Кроме того, с принятием Закона о судоустройстве краевые (областные) суды и Верховные Суды АССР начали отсылать в Верховный Суд РСФСР все нерассмотренные на местах жалобы, что еще более осложнило деятельность данного органа. Единственным выходом из создавшегося положения и. о. Председателя Верховного Суда РСФСР Рожнов считал существенное увеличение штатов¹⁵⁷, что представляло собой сложный процесс. Лишь после постановки данного вопроса в Центральном Комитете партии и на нескольких заседаниях Правительства Верховному Суду РСФСР было оказано реальное содействие путем увеличения штата, улучшения материально-бытового положения работников, расширения помещения и проведения ряда других мероприятий.¹⁵⁸ Благодаря принятым мерам к 1940 году проблема медленного движения дел в Верховном Суде РСФСР была относительно решена.

Та же проблема загруженности встала в 1938 году и перед Верховным Судом СССР. Уже в конце 1938 года руководители этого органа ставят вопрос о предоставлении Уголовной и Гражданской коллегиям права непосредственной отмены или изменения приговоров и решений, вынесенных нижестоящими судами. Аргументируя необходимость введения такой нормы, они говорили о том, что “судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР, наделенная ранее таким правом, не в состоянии рассмотреть все надзорные дела из-за их огромного наплыва.”¹⁵⁹

В указанный период происходит также увеличение штата высшего судебного органа СССР. Если в 1929 году штат Верховного Суда СССР составлял 8 человек, то в 1938 году в его составе числилось уже 45 человек.¹⁶⁰

Что же касается жизни и деятельности судей нижестоящих судов, основные проблемы, стоявшие перед ними, по большей части, были вызваны не принятием Закона о судоустройстве. Они остались теми же, какими были и 10, и 20 лет тому назад. В одном из докладов, направленных в Верховный Суд РСФСР читаем: “Все время перебои с продуктами. Масла не было всю зиму. Перебои с мясом и сахаром. Картофель от случая к случаю. Квартирная плата дорогая.

---

¹⁵⁶ Там же. Д. 38с. Л. 2.

¹⁵⁷ Там же. Д. 34с. Л. 5.

¹⁵⁸ Там же. Д. 38с. Л. 3.

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 1461. Л. 115.

¹⁶⁰ Добровольская Т. Н. Указ. соч. С. 139.

Дрова, электроэнергия, вода в общем стоят свыше 100 рублей.”¹⁶¹ Тяжелые материальные условия жизни судей усугублялись тяжелыми условиями работы, в числе которых, например, часто называется территориальная разбросанность регионов, обслуживаемых одним судом. Особенно актуально это было для отделений краевых (областных) судов при лагерях НКВД. Так, отделение при Дальлаге НКВД СССР при штате в 60 человек должно было осуществлять суд на территории, протяженность которой в одном направлении составляла около 1000 километров.¹⁶² Ну и, конечно, практически в каждом докладе отмечается низкий уровень профессиональной подготовки судей. В архивных фондах Верховного Суда РСФСР содержится множество уголовных дел, иллюстрирующих вопиющую безграмотность отдельных судей. Например, народный суд Чернявского района Курской области, рассмотрев дело об убийстве, совершенном девятью крестьянами и определив меру наказания для каждого из подсудимых, неожиданно добавил всем им еще по два года лишения свободы, поскольку, как было сказано в приговоре “суд подозревает их в краже колхозного имущества”.¹⁶³ А народный суд 1-го участка города Витебска, заслушав одно из уголовных дел, принял решение следующего характера: обвиняемого оправдать, а вместо него приговорить к лишению свободы свидетеля.¹⁶⁴

В докладе о деятельности Верховного Суда РСФСР за 1939 год в числе прочих негативных сторон функционирования судебной системы указываются такие нарушения норм процессуального права нижестоящими судами, как “невручение обвинительного заключения обвиняемому, отказ в назначении защитника, отклонение законных ходатайств обвиняемого, рассмотрение дела без вызова свидетелей.”¹⁶⁵ И хотя высшие судебные органы в конце 30-х годов делали все от них зависящее, чтобы устранить факты нарушения законности в деятельности судов, справиться с последствиями недостаточного профессионализма судей на местах им было не под силу.

Однако наряду с этими негативными проявлениями, в данный период наблюдаются и положительные тенденции, показывающие желание государства решить те проблемы, которые стояли перед судами. Решению вопроса о чрезмерной загруженности народных судов, например, содействовало расширение их сети. Известно, что в 1937 году на территории СССР действовало

---

¹⁶¹ ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3с. Д. 29с. Л. 109.

¹⁶² Там же. Л. 42.

¹⁶³ Советская юстиция. М., 1936. № 26. С. 14.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 359. Л. 81.

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3с. Д. 42с. Л. 32.

6 046 народных судов. С 1938 года за 18 месяцев сеть народных судов была увеличена на 32%. Если рассматривать статистику в отношении отдельных союзных республик, то, например, в Грузинской ССР количество народных судов увеличилось на 81,4%, в Белорусской ССР - на 51,8%, в Украинской ССР - на 47,8%, в РСФСР - на 28,5%.¹⁶⁶

Начиная с 1938 года намечается значительное улучшение и на таком участке судебной работы, как исполнение судебных решений. Увеличивается количество судебных исполнителей (с 4 635 во второй половине 1937 года до 6411 в 1938 году).¹⁶⁷ Соответственно уменьшается среднемесячная нагрузка на одного судебного исполнителя и сокращаются сроки исполнения судебных решений.

Наконец, говоря о развитии советской судебной системы в 30-е годы нельзя не сказать хотя бы коротко о таких органах, как суды общественной самодеятельности, которые оказывали значительную помощь народным судам, рассматривая наименее важные дела и тем самым разгружая суды. Действовали эти органы на основании Постановления ЦИК и СНК СССР “Об организации сельских судов” от 29 сентября 1930 года¹⁶⁸ и Постановления ВЦИК и СНК РСФСР “О производственно-товарищеских судах” от 20 февраля 1931 года.¹⁶⁹ Данные органы были полномочны рассматривать дела о нарушении трудовой дисциплины, о систематическом небрежном отношении к социалистическому имуществу, об оскорблении, о хулиганстве, не требующем уголовного преследования, об имущественных спорах на сумму до 50 рублей и т. д. В 1937 году на территории СССР действовало около 28 000 судов общественной самодеятельности, каждый из которых рассматривал около 40 дел в год.¹⁷⁰ И сельские суды, и производственно-товарищеские суды с успехом справлялись с возложенными на них задачами, пользуясь большой популярностью среди населения.

§3. Деятельность судов в 30-е годы.

В отечественной юридической литературе сложилось мнение, что 30-е годы являются периодом чрезмерного усиления репрессивной политики всех

---

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 363. Л. 5.

¹⁶⁷ Там же. Д. 72. Л. 13.

¹⁶⁸ СЗ СССР. 1930. № 15. Ст. 531.

¹⁶⁹ Еженедельник советской юстиции. М., 1931. №

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. д. 48. Л. 1.

карательных органов советского государства. Мнение это распространяется обычно и на суды. Необходимо отметить, что оно не вполне соответствует объективной действительности. Динамика изменения карательной политики судов в данное время представляет собой гораздо более сложное и неоднозначное явление. Если в первой половине 30-х годов замечается явственная тенденция к ужесточению карательной политики судов, то уже начиная с 1935 года положение дел в данной области меняется. Высшие судебные органы СССР и союзных республик в это время стараются пресечь всякие попытки нижестоящих судов заниматься необоснованным и нецелесообразным усилением уголовной репрессии под видом борьбы с врагами народа и демонстрации единодушного согласия с необходимостью продолжения последовательной практики проведения чисток. Достаточно четко, например, этот процесс прослеживается на реализации известного Закона от 7 августа 1932 года “Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности.”¹⁷¹ В первые годы после принятия данного документа наблюдается огромное множество фактов совершенно нецелесообразного привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших мелкие кражи. Эти факты нашли достаточно широкое отражение в отечественной научной литературе и публицистике.¹⁷² Видимо, такая ситуация была одним из следствий общей политики партии и правительства, направленной на укрепление социалистической дисциплины в советском обществе, без которого проведение запланированных глобальных преобразований в социально-экономической сфере представлялось невозможным. Зачастую стремление подтвердить свою приверженность данному курсу сопровождалось нарушением провозглашенного ранее принципа законности. Так, например, в ноябре 1932 года Народный Комиссариат юстиции РСФСР издал приказ, запрещающий судьям прибегать к использованию статьи 51 УК РСФСР, позволявшей суду при наличии определенных условий назначать подсудимому наказание ниже низшего предела, означенного в санкции примененной нормы.¹⁷³ Показательный факт, свидетельствующий о том, что усиление судебной репрессии в 30-е годы было в определенной степени результатом политики партии и правительства Советского государства в данной области, приводит заведующий проблемной группой по истории советского государства и права Института государства и права

---

¹⁷¹ СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

¹⁷² См., например, Маслов В. П., Чистяков Н. Ф. Деформация уголовной политики в истории советского государства. / Из истории советского государства и права. М., 1989. С. 104.

Академии Наук РФ Е. А. Скрипилев. По его сведениям, в январе 1933 года в докладе на Пленуме ЦК о выполнении судами Закона от 7 августа 1932 года Л. М. Каганович подверг резкой критике судей, пытавшихся смягчить меры наказания виновным и призвал к чистке низового судебного звена.¹⁷⁴

Статистические данные показывают, что уже к августу 1933 года по данному Закону было осуждено 293 200 человек, из них 13 844 человека - к смертной казни, 165 967 человек - к десяти годам лишения свободы.¹⁷⁵ Примерно такие же, хотя и несколько меньшие, масштабы применения Закона наблюдаются и в 1934, и в 1935 годах. “До сих пор, - пишет в 1935 году А. Вышинский, мы допускаем извращения в применении декрета 7 августа, привлекая по этому закону, направленному против врагов народа, мелких воришек.”¹⁷⁶

Формирование нового взгляда на данную проблему у Вышинского одной из своих причин, видимо, имело значительное увеличение входивших в обыденную практику прецедентов существенного нарушения законности при рассмотрении в судах уголовных дел. Такое положение вещей наносило удар по самому принципу законности, возбуждало недовольство у населения и, в конечном итоге, вело к возрождению идеи о второстепенном значении формально-определенных правовых норм.

Во всяком случае, уже в январе 1936 года в СССР начинается глобальный процесс пересмотра всех возбужденных ранее уголовных дел по Закону от 7 августа 1932 года. Пересмотр особенно коснулся дел, возбужденных в 1932 и 1933 годах, то есть в тот период, когда карательная политика судов была особенно жесткой. В ходе данного мероприятия было оставлено в силе всего 20% вынесенных приговоров. По поводу всех остальных осужденных было признано, что Закон от 7 августа 1932 года в их отношении был применен неверно. При этом более 30% ранее осужденных по данному акту лиц были освобождены из мест заключения.¹⁷⁷

А 23 сентября 1937 года Пленум Верховного Суда СССР еще раз подтвердил правильность нового курса в карательной политике судов, заявив, что “некоторыми закон был понят лишь с репрессивной стороны” и указав, что применение его к лицам, совершившим незначительные хищения, недопустимо.

---

¹⁷³ Советская юстиция. М., 1933. № 7. С. 9.

¹⁷⁴ 30-е годы. Взгляд из сегодня. (Материалы круглого стола). С.

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.

¹⁷⁶ Вышинский А. Я. Речь товарища Сталина 4 мая и задачи советской юстиции.” М., 1935. С. 22.

¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 101. Л. 88.

В то же время ревизионная комиссия НКЮ СССР положительно оценила, например, деятельность народного суда Богушевского района (БССР), прекратившего в 1937 году 60% поступивших к нему уголовных дел, возбужденных по ст. 341 УК БССР (расхищение социалистической собственности). Проводя оценку данного факта, ревизионная комиссия подвергла жесткой критике органы дознания и следствия за привлечение по данной статье к уголовной ответственности лиц, совершивших мелкие кражи, и подчеркнула, что «они не извлекли уроков из имевшего места в БССР вредительства и, по сути дела, не ликвидировав его.»¹⁷⁸

Таким же образом Верховному Суду СССР приходилось бороться в 1936 и 1937 годах и со злоупотреблениями в других сферах. В качестве еще одного наглядного примера можно привести реакцию высших судебных органов на неправильную реализацию судами Закона «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 года. На основании этого акта многие народные суды начали безоглядно ужесточать карательную политику в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста к моменту совершения правонарушения. Многие несовершеннолетние, например, за совершение мелких краж привлекались судами к уголовной ответственности и приговаривались к лишению свободы. Так, в Калининской области лишение свободы в качестве меры ответственности за данное преступление избиралось судами в 70% случаев, в Свердловской области - в 66,1%, в Куйбышевской - в 56,1%.¹⁷⁹

На изменение подобного ненормального положения дел, при котором суд подходил к несовершеннолетним правонарушителям гораздо более строго, чем к взрослым преступникам, оказали влияние Циркуляр Верховного Суда РСФСР от 15 апреля 1936 года и Директива Верховного Суда СССР от 21 июля 1936 года. В этих документах указывалось на необходимость применения в описанных выше случаях мер общественно-воспитательного характера и предусматривалась личная ответственность Председателей судов в случае нарушения разъяснений высших судебных органов по данному вопросу. К тому же, в Циркуляре Верховного Суда РСФСР отмечалось, что такая мера наказания, как лишение свободы, может применяться в отношении лиц в возрасте от 12 до 16 лет лишь в случаях «совершения ими особо социально-опасных преступлений и, главным образом, к рецидивистам и неоднократно бежавшим из детских учреждений». Этот же Циркуляр определяет, что только в указанных выше случаях к

---

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 359. Л. 93.

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3с. Д. 15с. Л. 11.

несовершеннолетним может применяться мера пресечения - заключение под стражу.¹⁸⁰

В данный период многие судьи на местах, обладавшие низким уровнем профессиональной подготовки и видевшие свою задачу в том, чтобы жестко карать любое явное или мнимое проявление нелояльности к существующему общественному укладу, зачастую выносили совершенно необоснованные приговоры. Вот лишь несколько примеров из практики судов за 1937 год.

А. Е. Кондратова была осуждена Архангельским областным судом к 5 годам лишения свободы за антисоветскую агитацию, выразившуюся в том, что она высказала сомнение в отношении биографии кандидата в депутаты Верховного Совета СССР. Верховный Суд РСФСР отменил приговор и прекратил данное уголовное дело за отсутствием состава преступления.¹⁸¹

К. П. Шорин, сторож Дома отдыха в городе Сочи был осужден за антисоветскую агитацию к 4 годам лишения свободы. Вина гр. Шорина заключалась в том, что он “высказывал недовольство в связи с перебоями в снабжении города Сочи продовольствием, упоминая при этом об уровне снабжения в дореволюционные годы.”¹⁸² Приговор отменен Верховным Судом РСФСР.

Рабочий свердловского кожзавода Я. Антуфьев выражался нецензурными словами на работницу Черницыну, говоря при этом, что “он - не стахановец, а вырабатывает больше стахановцев”. Свердловский областной суд приговорил Антуфьева к длительному сроку лишения свободы за антисоветскую агитацию, вменив ему в вину “сопротивление стахановскому движению”.¹⁸³ Верховный Суд РСФСР не только отменил приговор и прекратил данное дело, но и разъяснил нижестоящим судам в соответствующем Циркуляре, что обвинение в сопротивлении стахановскому движению может быть инкриминировано лишь тогда, когда “в действиях обвиняемого имеются реальные признаки контрреволюционной агитации или признаки издевательства, насилия над стахановцем.”¹⁸⁴

Районный суд Носовского района Черниговской области приговорил 13-летнего Герасима Бровка к лишению свободы за то, что во время стрельбы из рогатки “камешек летел рикошетом и попал в портрет товарища Постышева”.

---

¹⁸⁰ Там же. Л. 12 - 13.

¹⁸¹ Там же. Д. 36с. Л. 7.

¹⁸² Там же. Л. 6.

¹⁸³ Там же Д. 15с. Л. 8.

¹⁸⁴ Там же.

Приговор отменен Уголовно-судебной коллегией Верховного Суда СССР. На заседании коллегии была отмечена “бессмысленность и безграмотность” подобного рода действий суда.¹⁸⁵

Достаточно большая часть незаконных, необоснованных приговоров, вынесенных судами в 1936 - 1937 годах приходится на такие преступления, как спекуляция и растрата. “Часто суды приговаривали человека к лишению свободы сроком на 5 лет по ст. 107 УК РСФСР за покупку 40 метров мануфактуры на рынке, без всяких сведений о том, что он продавал или собирался продавать эту мануфактуру”, - отмечал в одном из своих выступлений Председатель Верховного Суда СССР Голяков.¹⁸⁶ А вот факт, приводимый уже в книге Вышинского: “Гражданин оказался осужденным за спекуляцию на 10 лет лишения свободы, хотя ни один свидетель, вызванный в суд, не мог назвать ни одного конкретного случая спекуляции со стороны обвиняемого. Уже на суде было заявлено ходатайство о вызове добавочного свидетеля, который должен был спасти незадачливого прокурора. Увы! И этот свидетель оказался не более спасительным для обвинения. Тем не менее суд вынес обвинительный приговор. ... В это дело в конечной счете пришлось вмешаться Прокуратуре Союза, и приговор по этому делу, как абсолютно необоснованный, был отменен.”¹⁸⁷

Что касается дел о растратах, многочисленные сведения, сохранившиеся в архивах, позволяют говорить, что суды зачастую выносили обвинительные приговоры, установив лишь факт недостачи вверенных обвиняемому ценностей и не установив факта использования этих ценностей для личных нужд. Иногда сам факт недостачи основывался лишь на бухгалтерской документации, составленной небрежно и поверхностно. “Учет так запутан, - говорил Голяков, - что три повторные экспертизы документов дают различные результаты. И тем не менее, многие суды, рассматривая дела о растратах, ориентируются именно на документальные сведения, не проводя инвентаризации.”¹⁸⁸ В ряде же случаев ст. 111 УК РСФСР (растрата) применялась без всякого видимого основания. Вот что по этому поводу пишет Вышинский: “Кухарка не посолила обед, ее привлекли к уголовной ответственности по ст. 111. Колхозник взял лошадь для поездки в город; приехал в город, привязал лошадь и пошел по своим делам - лошадь украли, а колхозника привлекли к уголовной ответственности по ст. 111. ... Заведующий товарной фермой пожалел двух телят и с мороза внес их в теплое

---

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 104. Л. 164.

¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 8041. Оп. 1.

¹⁸⁷ Вышинский А. Я. Речь тов. Сталина. С. 22-23.

помещение - у телят попортились уши, - его судили и осудили по ст. 111.”¹⁸⁹ “Мы забываем,- продолжает далее Вышинский, - что уголовный суд - крайнее средство, последнее средство воздействия.”¹⁹⁰ Между тем, ни высшие судебные органы страны, ни высшие должностные лица прокуратуры не могли в полной мере справиться с непрофессионализмом народных судей. Так, например, в 1938 году за растрату было осуждено 46 489 человек, из них 13,2% - к лишению свободы.¹⁹¹

Говоря о недопустимости излишней жесткости в карательной политике судов, советские юристы 30-х годов на первый план ставят такую причину как ее нецелесообразность. “Совершенно ясно, - писал Вышинский,- что ... факты издевательского отношения к людям, помимо того, что они оскорбляют человеческое достоинство, не могут отразиться самым отрицательным образом и на отношениях трудящихся к их хозяйственным обязанностям, к их обязанностям перед обществом и государством.”¹⁹² Столь же однозначно выступает Прокурор СССР и против придания политической окраски отдельным общеуголовным преступлениям: “Попытки НКЮ ... через ст. 58 УК создать какие-то новые виды преступлений (путем присоединения к ст. 58 УК статей об убийстве, должностных преступлениях и пр.) должна быть признана вредной затеей, способной сбить местных работников юстиции с толку. ... Нам нужно сосредоточить свое внимание на действительных преступлениях, на серьезных преступлениях, чтобы не разминаться на мелочи, чтобы не получалось, что суды загружены ничего не значащими делами, в то время как серьезные и действительно опасные для пролетарского государства преступления остаются безнаказанными.”¹⁹³

В связи с этим представляются совершенно необоснованными суждения о том, что в 30-е годы “Сталин вырвал с корнем остатки гуманизма” и “никакая часть общества не была больше ограждена от произвола”.¹⁹⁴ Многие факты говорят как раз о противоположных тенденциях, проявившихся в данный период в деятельности советских судов.

---

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 8041. Оп. 1. Д.

¹⁸⁹ Вышинский А. Я. Речь тов. Сталина. С. 19.

¹⁹⁰ Там же. С. 21.

¹⁹¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 65. Л. 12.

¹⁹² Вышинский А. Я. Революционная законность на современном этапе. М., 1932. С. 53.

¹⁹³ Вышинский А. Я. Речь тов. Сталина. С. 52.

¹⁹⁴ Конквест Р. Большой террор. / Нева. Л., 1989. № 9. С. 5.

Однако для того, чтобы составить представление о действительной картине репрессивной политики судов в данный период, необходимо обратиться к цифрам. Данные, приводимые ниже, можно считать достоверными и нефальсифицированными, поскольку их источником являются документы, составленные в высших судебных органах СССР и РСФСР для внутреннего пользования и до недавнего времени остававшиеся секретными.

Выше уже отмечалось, что первая половина 30-х годов характеризовалась существенным ужесточением карательной политики судов по отдельным видам преступлений, что было связано с курсом партии и советского правительства на укрепление дисциплины в обществе.

Далее видится целесообразным остановиться именно на тех количественных показателях деятельности судов по разрешению уголовных дел, которые иллюстрируют положение дел в этой области во второй половине 30-х годов, то есть в те годы, которые принято считать апогеем процесса проведения массовых политических репрессий в СССР.

Вот, например, как выглядит статистика применения судами отдельных мер уголовной ответственности к лицам, совершившим преступления в 1935 - 1936 годах. Судами общей юрисдикции РСФСР в первой половине 1935 года было вынесено 402 смертных приговора (кроме дел о контрреволюционных преступлениях). Во второй половине того же года теми же органами выносятся 348 смертных приговоров, а в первой половине 1936 года эта цифра снижается до 66 приговоров.¹⁹⁵ Примерно так же обстоит дело с динамикой применения других видов наказания. К лишению свободы судами общей юрисдикции в РСФСР приговорено: в первой половине 1935 года - 150 167 человек, во второй половине 1935 года - 166 516 человек, в первой половине 1936 года - 139 281 человека. Из них к лишению свободы на срок выше 5 лет были приговорены: в первой половине 1935 года - 29 913 человек, во второй половине 1935 года - 34 893 человека и в первой половине 1936 года - 24 522 человека. Наиболее же распространенным видом уголовного наказания, применявшегося судами в данный период, были исправительные работы. В первой половине 1935 года эта мера ответственности избиралась судами в 251 560 случаях, во второй половине 1935 года - в 205 275, а в первой половине 1936 года - в 177 326.¹⁹⁶ Цифры, характеризующие применение судами исправительных работ говорят нам также о том, что уменьшение в 1936 году применения таких наказаний, как смертная

---

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. 9474. Оп.1. Д. 104. Л. 8.

¹⁹⁶ Там же.

казнь и лишение свободы, не проводилось за счет увеличения количества других, менее жестких видов наказания. В 1936 году вообще наблюдается существенное уменьшение количества уголовных дел, рассматриваемых судами. Довольно высоким в данный период является процент оправдательных приговоров. В 1935 году их было вынесено около 115 000 (10%), в первой половине 1936 года - 44 958 (10,7%).¹⁹⁷

Если говорить о положении дел в других республиках, карательная политика судов и там изменяется в сторону экономии репрессии. Так, например, в БССР в 1936 году было вынесено 22 смертных приговора, а в УССР - 31 смертный приговор.¹⁹⁸

В основном, в СССР во второй половине 30-х годов смертные приговоры выносились судами общей юрисдикции в тех случаях, когда совершение какого-либо преступления сопровождалось убийством. Причем, как отмечал в своем докладе Председатель Верховного Суда СССР, огромная доля смертных приговоров приходилась на такие преступления, как убийство с целью неплатежа алиментов и убийство, сопряженное с изнасилованием.¹⁹⁹

Что касается контрреволюционных преступлений, следствие по которым проводилось органами НКВД, они рассматривались и разрешались спецколлегиями областных (краевых) судов. В первой половине 1936 года всего в РСФСР спецколлегиями было рассмотрено 12 539 дел. Наибольшее их количество приходилось на дела, возбужденные по ст. 58¹⁰ (антисоветская агитация) - 71,9%.²⁰⁰ В рамках данной статьи рассматривались обычно такие деяния, как “антисоветская агитация в связи с выборами в Верховный Совет СССР, клеветнические высказывания о Конституции СССР и об Избирательном Законе” (19,9% от общего количества случаев применения статьи 58¹⁰ в 1936 году), “террористическая агитация” (9%), “агитация пораженческого и повстанческого характера” (8,3%), “восхваление фашизма, врагов народа и их деятельности” (16,6%), “антисоветские высказывания о материальном положении трудящихся в СССР” (24,8%), “антиколхозная агитация” (15,7%).²⁰¹ В некоторых других союзных республиках основная часть работы спецколлегий приходилась на иные преступления. Например, в Узбекской ССР 50,8% дел, рассмотренных спецколлегиями приходится на дела о бандитизме, в Туркменской ССР данная

---

¹⁹⁷ Там же. Л. 35.

¹⁹⁸ Там же. Л. 8.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 105. Л. 17.

²⁰⁰ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 104. Л. 122.

²⁰¹ ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3с. Д. 36с. Л. 5-6.

категория дел составляла 57% от общего объема работы спецколлегий. Вместе с тем, удельный вес дел, рассматриваемых спецколлегиями, не был высок. По имеющимся данным объем дел, возбужденных по статье 58¹⁰ в СССР вплоть до 1939 года, не превышал 1% от общего количества уголовных дел, разрешаемых судами.²⁰²

Всего по СССР в первой половине 1936 года спецколлегиями было оправдано 7,8% лиц, привлеченных к уголовной ответственности.²⁰³ В тот же период ими было вынесено 550 смертных приговоров, что составило 2,2% от общего числа приговоров, вынесенных этими органами.²⁰⁴ Впоследствии, Спецколлегией Верховного Суда СССР высшая мера в отношении 87 человек была отменена.²⁰⁵

Военные трибуналы вынесли в течение первых трех кварталов 1936 года обвинительные приговоры в отношении 13 453 человек (из них 3543 человека были осуждены за различные контрреволюционные преступления). В отношении 3,8% осужденных были вынесены смертные приговоры. Военная Коллегия Верховного Суда СССР в тот же период рассмотрела по первой инстанции 66 дел в отношении 227 человек (из них - 87% по обвинению в совершении терактов, шпионаже и диверсиях), определив высшую меру наказания в отношении 51% осужденных.²⁰⁶

Заметную роль в осуществлении судебной политики в данный период играет Верховный Суд СССР. В 1936 году Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела 1249 протестов. Из этого объема дел 29% приходилось на определения, вынесенные высшими судебными органами союзных республик. Из внесенных протестов по уголовным делам коллегия удовлетворила 93,1%, из них - 39,1% - с переквалификацией преступления, 27,8% - со снижением меры наказания без переквалификации преступления и 7% с прекращением уголовного дела.²⁰⁷

Уголовно-судебная коллегия Верховного Суда СССР в 1936 году рассмотрела 144 дела с высшей мерой наказания, изменив санкцию в отношении 73 человек, а по 130 делам без высшей меры наказания, рассмотренным в порядке

---

²⁰² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 65. Л. 10.

²⁰³ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 104. Л. 8.

²⁰⁴ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 105. Л. 60.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 104. Л. 136 - 139.

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 105. Л. 6 - 7.

надзора, потребовала отмены приговоров ввиду “явно дефектного предварительного следствия.”²⁰⁸

Усиление карательной политики судов в 1935 - 1936 годах наблюдается лишь по отдельным составам преступлений, которым государство уделяет в данный период особое внимание. Например, за неплатеж алиментов доля приговоров к лишению свободы возрастает с 1,1% в 1935 году до 24% в 1936 году. Та же картина наблюдается и в отношении половых преступлений: если в 1935 году 77,7% этих деяний каралось лишением свободы, то в 1936 году - 83,2%.²⁰⁹

Еще необходимо обратить внимание на такой феномен, как неидентичность отношения судов к различным видам преступлений в различных регионах СССР. Например, за хулиганство в 1936 году суды Воронежской области приговорили к лишению свободы 33% подсудимых, в то время как за тот же вид преступления судами Челябинской области данная мера наказания избиралась гораздо чаще - в 60% случаев. За растрату в 1936 году в городе Москве было осуждено и приговорено к лишению свободы 50% подсудимых, а в той же Челябинской области - 80,6%.²¹⁰ За грабежи суды Грузии осудили к лишению свободы 7,7% подсудимых, по Армении же эта цифра составляет 37,5%.²¹¹ Все это говорит о том, что судьи, решая вопрос о мере ответственности, исходили не только из общих основ карательной политики, но и из иных факторов, таких, например, как степень общественной опасности того или иного деяния в конкретном регионе. С другой стороны, такой разницей в понимании судьями общественной опасности одного и того же вида преступления зачастую свидетельствовал о недостаточном единообразии в правоприменительной деятельности государства и имел одной из своих причин слабую профессиональную подготовку судейского корпуса.

В последующие годы (1937 и 1938) карательная политика судов остается на том же уровне, что и в 1936 году, о чем свидетельствуют многочисленные отчеты и доклады высших судебных органов страны. А по некоторым показателям она даже еще более смягчается. Например, в 1938 году возрастает количество вынесенных судами оправдательных приговоров, составляя уже 13,4%.²¹² Среди приговоров, вынесенных народными судами в 1938 году лишь

---

²⁰⁸ Там же. Л. 17 - 22.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 104. Л. 29.

²¹⁰ Там же. Л. 2.

²¹¹ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 101. Л. 80.

²¹² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

37,7% связано с применением в качестве меры уголовной ответственности лишения свободы.²¹³

И только в 1939 году в СССР вновь наблюдается тенденция к усилению репрессивной политики судов. Так, 5 апреля 1939 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают постановление, направленное на ужесточение мер по борьбе со спекуляцией. Применявшиеся ранее судами меры ответственности по отношению к спекулянтам признаются недостаточными. В докладе Народного комиссара юстиции СССР Рычкова подчеркивается, что “суды в ряде случаев допускали извращения по делам о спекуляции, поскольку они в отношении 13,3% осужденных вынесли меры наказания, не связанные с лишением свободы.”²¹⁴ В том же докладе нарком юстиции выражает озабоченность в связи с неблагоприятной, на его взгляд, картиной в сфере борьбы с хищениями социалистической собственности: “Как можно смириться с тем, что по 14,7% дел о хищении социалистической собственности выносятся такие меры наказания, как штраф, условное осуждение, общественное порицание и т. д? Такой либерализм ... является совершенно нетерпимым”.²¹⁵ Результатом несколько изменившегося курса в проведении судами карательной политики стало некоторое ее усиление, сказавшееся, в первую очередь на лицах, совершивших указанные выше правонарушения.

Подводя вывод сказанному выше, можно отметить, что судебная политика в СССР во второй половине 30-х годов строилась на принципе экономии репрессии и поэтому к ней неприменимы обвинения в отсутствии гуманизма и целесообразности. А следовательно, ошибочным следует признать мнение о том, что судебные органы СССР ответственны за проведение в стране в данный период массовых политических репрессий. Карательная политика судов во второй половине 30-х годов по степени мягкости вполне сравнима с карательной политикой судов периода нэпа и, вместе с тем, совершенно не сравнима с карательной политикой периода военного коммунизма.

Вместе с тем, данный период характеризуется бурной деятельностью органов внесудебной репрессии: Особых Совещаний при НКВД и известных “троек”, которыми, как раз, и рассматривалось большее количество дел о политических преступлениях. Статистические данные о соотношении участия различных государственных органов в политических репрессиях были

---

²¹³ Там же.

²¹⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 363. Л. 18.

²¹⁵ Там же. Л. 17.

опубликованы в 1992 году. Они основывались на документе, составленном советскими архивистами для Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова в 1954 году. Вот как выглядит соотношение лиц, осужденных за политические преступления:

Суды: 1936 г. - 114 383; 1937 г. - 39 694; 1938 г. - 95 057;

ОСО: 1936 г. - 18 969; 1937 г. - 17 911; 1938 г. - 45 768;

“Тройки”: 1936 г. - 141 318; 1937 г. - 688 000; 1938 г. - 413 433.²¹⁶

Приведенные данные, в достоверности которых пока нет оснований сомневаться, еще раз подтверждают сделанный выше вывод о том, что советские суды нельзя причислять к числу органов, ответственных за проведение массовых политических репрессий.

Карательная функция суда, как бы ни была она важна в 30-е годы, тем не менее не была основной его функцией. Главной задачей судебной системы оставалось осуществление правосудия, то есть рассмотрение и разрешение уголовных и гражданских дел на основании принципа законности. Об основных аспектах уголовной политики судов было сказано выше. Теперь необходимо, хотя бы коротко, упомянуть о тех основных тенденциях, которые наблюдаются в данный период в гражданском процессе.

Количество гражданских дел во второй половине 30-х годов неуклонно росло. Так, в 1935 году суды СССР рассмотрели более 4 млн. гражданских дел, что составило более 60% от общего количества дел, рассмотренных в судах. В 1936 году ежеквартальный прирост гражданских дел составил 10%, а общая их доля за весь 1936 год составила 80%.²¹⁷

Необходимо отметить, что сам характер гражданских дел меняется по сравнению с периодом нэпа. Если в предыдущий период большая часть дел в сфере гражданского судопроизводства касалась вещного и обязательственного права, то теперь на первый план выходят трудовые, жилищные и семейные споры. Эти же категории дел, как правило, фигурируют и в практике гражданско-судебной коллегии Верховного Суда СССР. Вот, например, какие проблемы затрагивались на заседаниях этой коллегии в 1936 - 1937 годах: раздел имущества супругов; недействительность сделок, заключенных в ущерб интересам детей; право супруга на проживание в ведомственной квартире; вопросы взыскания алиментов; порядок рассмотрения дел об увольнении советских служащих; порядок выселения лиц, потерявших трудовую связь с учреждением; недопустимость выселения по мотиву, что дом подлежит продаже в погашение

---

²¹⁶ Отечественные архивы. М., 1992. № 2. С. 28.

²¹⁷ Советская юстиция. М., 1937. № 2. С. 6.

недоимок и т. п. Эти изменения имеют своей причиной новое видение государством целей и задач советского гражданского права. Если в период нэпа главная задача судов в сфере гражданского процесса заключалась в стимулировании частнопредпринимательской деятельности и вместе с тем в жестком ее контроле, то в 30-е годы такая деятельность признается не только нежелательной, но и вредной для государства. Например, в декабре 1936 года Пленум Верховного Суда СССР обратил внимание судей на “необходимость внимательного отношения к тем искам, в которых под видом защиты личных имущественных прав отдельные лица пытаются протащить возможность легального существования мелких хозяйчиков капиталистического типа.”²¹⁸ “Сейчас, - подчеркивается в решении Пленума, - когда издана Конституция, которая совершенно ясно и четко во всех областях жизни нашего хозяйства исключает закономерную возможность существования таких хозяйчиков,... судебная практика самым решительным образом должна пресекать возможность их существования.”

В сфере гражданского судопроизводства, так же, как и в сфере уголовного судопроизводства, в 30-е годы целенаправленно проводится принцип законности. В октябре 1935 года Пленум Верховного Суда СССР принимает Постановление “О строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе”, в котором требует от судов точного и строгого выполнения всех норм ГПК и, в особенности, тех его статей, которые обеспечивают права сторон в процессе. А в декабре 1936 года на заседании того же органа снова заявляется о необходимости “вести решительную борьбу против вольного отношения к закону по гражданским делам под видом принципа целесообразности.”²¹⁹

Думается, подобное внимание к гражданско-правовым отношениям объясняется общим курсом партии и советского правительства на укрепление государства, на консолидацию советского общества с целью обеспечения безопасности страны и ее дальнейшего развития.

*****

Таким образом, к 1940-му году завершается строительство и апробация той судебной системы, которая будет существовать в СССР до его развала в 1991 году. Принципы судостроительства и судопроизводства, окончательно оформившиеся в данный период, станут базисом осуществления правосудия в

---

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же.

течение последующих десятилетий. Последующие изменения, произошедшие в конце 50-х годов, не внесли в судебную систему существенных корректив, затронув лишь отдельные частные аспекты ее организации.

Подводя же итог данному периоду необходимо еще раз отметить, что главными его достижениями стали централизация судебной системы в масштабах СССР и утверждение принципа законности в качестве основы деятельности судебных органов. Оба указанные фактора привели к искоренению многих негативных тенденций, существовавших ранее, и послужили укреплению советской государственности накануне предстоявших ей испытаний.

Приложение.

Постановление ВЦИК от 11 сентября 1922 года О введении в действие Положения о судеустройстве РСФСР.

IV сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, выслушав 31 октября 1922 г. доклад Народного Комиссара Юстиции по проекту о судеустройстве и предлагаемые Комиссией поправки к проекту, постановила:

1. Внесённый Советом Народных Комиссаров проект с поправками принять и ввести в действие на всей территории РСФСР с 1-го января 1923 года. Сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета предлагает Центральным Исполнительным Комитетам всех договорных республик ввести принятый сессией законопроект равным образом и на территории этих республик.

2. Президиуму Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Народному Комиссару Юстиции поручить в соответствии с принятым законопроектом к тому же сроку переработать Уголовно-Процессуальный Кодекс.

3. Озабочиваясь одновременно поднятием на должную высоту личного состава судебных работников, сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

а) обязать Совет Народных Комиссаров соответствующим серьёзности задач, возложенных на судебных работников, улучшением материального положения тех из них, кои оставлены на государственном снабжении, а все губисполкомы – о таком же обеспечении полностью судебных работников тех учреждений, кои переведены на местные средства.

б) обязать Народный Комиссариат Юстиции и Главный Комитет Профессионально-Технического образования в кратчайший срок разработать и внести в Совет Народных Комиссаров законопроект об открытии в течение 1923 года не менее 10 юридических школ на местах и одной высшей юридической школы в Москве для своевременной подготовки достаточного кадра опытных судебных работников.

Положение о судостроительстве РСФСР 1922 г.

(Извлечение)

Раздел I

Глава I. Основные положения.

Ст. 1. В интересах ограждения завоеваний пролетарской революции, обеспечения интересов государства, прав трудящихся и их объединений, действует на территории РСФСР следующая единая система судебных учреждений:

1. Народный Суд в составе постоянного народного судьи.
2. Народный Суд в составе того же постоянного народного судьи и двух народных заседателей.
3. Губернский Суд.
4. Верховный Суд РСФСР и его коллегии.

Ст. 2. Для рассмотрения дел специальных категорий ввиду особой сложности таковых дел, необходимости специальных знаний и навыков для их рассмотрения и по соображениям особой опасности отдельных категорий преступных деяний для военной мощи республики или ее хозяйственного преуспевания, - наряду с единой системой народных судов РСФСР, временно действуют следующие специальные суды: а) по делам о преступлениях, угрожающих крепости и мощи красной армии, - военные трибуналы, б) по делам об особо важных преступлениях, угрожающих транспорту – военно-транспортные трибуналы, в) по делам о преступлениях по нарушению Кодекса законов о труде – особые трудовые сессии народных судов, и д) по делам о спорах об имущественных правах между государственными органами – состоящие при Совете Труда и Оборона и губернских экономических совещаниях центральная и местные арбитражные комиссии. ...

Ст. 3. Народный судья, действующий единолично или совместно с двумя народными заседателями, осуществляет свою деятельность в пределах уездного

или городского района, каковой ему определён. В этих пределах он ответственен за свою деятельность исключительно по суду или в нижеперечисленном порядке перед вышестоящими судебными учреждениями РСФСР.

Ст. 4. Губернский суд распространяет свою деятельность на территорию той губернии или области, в которой он учреждён, и сверх дел, ему подсудных, имеет надзор за всеми действующими на территории губернии или области судами, кроме выездных сессий Верховного Суда и военных и военно-транспортных трибуналов.

Ст. 5. Верховному Суду РСФСР принадлежат: судебный контроль над всеми без исключения судебными местами РСФСР, рассмотрение в кассационном порядке решенных губернскими судами дел и в порядке надзора всех дел, разрешенных любым судом республики, и рассмотрение, в качестве суда первой инстанции, дел особой государственной важности по особо установленной законом подсудности таких дел Верховному Суду РСФСР.

Ст. 6. Для надзора за общим соблюдением законов, непосредственного наблюдения за производством предварительного следствия и дознания, поддержания обвинения на суде действует государственная прокуратура.

Ст. 7. Для предварительного расследования подлежащих судебному рассмотрению преступных действий, в пределах вверенных им участков и при отдельных судебных учреждениях, под наблюдением прокуроров и губернских судов, действуют народные следователи.

Ст. 8. В целях обеспечения трудящимся юридической помощи при разрешении гражданских споров и предоставления защиты в уголовном процессе при губернских судах, под наблюдением последних, действуют коллегии защитников.

Ст. 9. Для проведения в жизнь судебных решений при губернских судах и народных судах действуют судебные исполнители и для выполнения указанных в законе действий – нотариат.

Ст. 10. Пределы компетенции, действия и ответственность всех вышеуказанных учреждений и должностных лиц определяется соответственными разделами и статьями настоящего Положения.

Раздел III.

Глава VII. О функциях губернского суда.

Ст. 48. Председатель и его два заместителя несут всю ответственность за правильную и целесообразную постановку всей работы в губернском суде и за

точное неуклонное исполнение существующих законоположений и распоряжений, как в самом губернском суде, так и во всех подчиненных ему учреждениях.

Ст. 49. В соответствии с этим к ведению председателя суда относятся: а) Назначение и распределение обязанностей между членами губернского суда по отделениям, представление на утверждение в губисполком народных судей и народных следователей и наблюдение за своевременным и соответствующим требованиям закона составлением списков народных заседателей, наблюдение за своевременным финансированием народных судов и народных следователей и истребованием от них отчётности; составление и представление отчётности по губернскому суду и нарсудам в губисполком и Народный Комиссариат Юстиции; наблюдение за деятельностью канцелярии и состоянием денежной, материальной и иной отчётности по губернскому суду и все отношения по делам суда с Народным Комиссариатом Юстиции и иными ведомствами; наблюдение за деятельностью нотариата и коллегии защитников.

б) Созыв пленарных заседаний губернского суда, председательствование в таковых и предварительный просмотр вносимых и внесение по своему почину всех материалов для решений на пленумы губернского суда по всем вопросам ведения последнего, в том числе: подготовка материалов, касающихся дисциплинарной ответственности народных следователей, нарсудей, членов коллегий защитников и иных должностных лиц, наложение дисциплинарных взысканий на нарсудей, нарследователей и иных должностных лиц в пределах предоставленной председателю власти.

Ст. 50. Пленум губернского суда составляется из всех наличных в данный момент членов губернского суда, но, во всяком случае, не менее половины, при обязательном участии губернского прокурора или его помощника, и ведаает:

а) Рассмотрением всех вопросов, связанных с определением границ и числа участков нарсуда, перемещением нарсудей в пределах подведомственного губернскому суду района, распределением и определением границ и числа участков нарследователей, назначением и перемещением последних, рассмотрением отчетности нарсудей по докладам отдельных членов губернского суда по назначению председателя, назначением ревизий нарсудов и нарследователей и заслушанием докладов по ним и выработкой наказов и инструкций в пределах ведения губернского суда.

б) Рассмотрением всех вопросов, связанных с возбуждением дисциплинарной ответственности против нарсудей и нарследователей и иных

должностных лиц, подведомственных губернскому суду, в том числе и членов самого губернского суда; внесение определений о временном отстранении от должности нарсудей и нарследователей, впредь до решения дела о привлеченных лицах, и выборами дисциплинарной коллегии губернского суда.

в) Рассмотрением отдельных, вносимых председателем губернского суда или отдельным составом судебного или кассационного заседания губернского суда, или губернским прокурором, вопросов, связанных с неясностью или неполнотой действующих законов, всякий раз, однако, исключительно в связи с каким-либо конкретным делом или решением, и представлением своих соображений по этим вопросам.

Ст. 51. При согласии председательствующего в заседании с решением пленарного заседания, кроме случаев, предусмотренных п. «в» предыдущей статьи, решение пленарного заседания немедленно проводится в жизнь, и, при несогласии, весь материал подлежит передаче на разрешение в Народный Комиссариат Юстиции или в Верховный Суд или губисполком по принадлежности. В случае протеста прокурора против решения пленума губернского суда, таковой протест не приостанавливает проведения решения губсуда в жизнь.

Ст. 52. Состав уголовного отдела губернского суда определяется в 7 человек постоянных членов губернского суда, в том числе заведующий отделом – заместитель председателя губсуда, и разделяется на кассационно-уголовное и уголовное отделение. Судебные заседания кассационного отделения имеют место в составе трех постоянных членов губернского суда, в том числе заведующий отделом, заместитель председателя губсуда и судебные заседания уголовного отделения – в составе одного постоянного члена губсуда и двух губернских народных заседателей, призываемых к заседанию постановлением распорядительного заседания уголовного отделения, согласно находящегося в губсуде списка. Назначение и распределение отнесенных к уголовному отделу членов губернского суда в составы кассационных и судебных заседаний отдела, как равно назначение председательствующих для выездных сессий уголовного отделения производится заведующим отделом – заместителем председателя, по соглашению с председателем губернского суда. От председателя губсуда зависит принять на себя председательствование по любому делу, разбираемому в кассационном отделении уголовного отдела губсуда.

Ст. 53. Состав гражданского отдела губернского суда определяется также в 7 человек, в том числе заведующий отделом – заместитель председателя, и

разделяется на гражданское кассационное и гражданское отделение. Первое – в составе трех постоянных членов губернского суда, в том числе заведующий отделом – заместитель председателя губсуда, и второе – в составе одного председательствующего постоянного члена и двух народных заседателей преимущественно из числа входящих в список народных заседателей – народных судей уезда. Определение и назначение отнесенных к гражданскому отделу членов губсуда для участия в кассационных и судебных заседаниях отдела или председательствование в выездных сессиях производится определением заведующего отделом по соглашению с председателем губсуда. ... Председатель губсуда вправе принять на себя председательствование по любому делу, разбираемому в кассационном

Раздел III.

Глава XVIII. О Верховном Суде РСФСР.

Ст. 55. Верховный Суд РСФСР действует в составе:

- а) президиума Верховного Суда;
- б) пленарного заседания Верховного Суда;
- в) кассационных коллегий Верховного Суда по уголовным и гражданским делам;
- г) судебной коллегии, военной и военно-транспортной коллегии Верховного Суда;
- д) дисциплинарной коллегии Верховного Суда.

Ст. 56. Председатель и члены Верховного Суда утверждаются Президиумом ВЦИК. Председатель Верховного Суда, его заместитель и председатели судебной, военной и военно-транспортной коллегий назначаются Президиумом ВЦИК непосредственно, прочие же члены Верховного Суда - по представлению Народного Комиссара Юстиции. Члены военной и военно-транспортной коллегий назначаются Президиумом ВЦИК по представлению Революционного Военного Совета Республики и Народного Комиссариата Путей Сообщения с заключением о них Народного Комиссара Юстиции.

Ст. 57. Председатель и члены Верховного Суда не могут быть ни отозваны, ни отстранены от должности иначе, как Президиумом ВЦИК.

Ст. 58. В автономных республиках, областных объединениях могут быть открываемы по специальному постановлению Президиума ВЦИК областные отделения Верховного Суда, члены которых назначаются ЦИКами соответствующих республик, либо согласно особому о них положению,

утверждаемому Президиумом ВЦИК; председатель и заместитель этих отделений обязательно утверждаются, однако, Президиумом ВЦИК.

Глава IX. О пределах компетенции президиума и пленарного заседания

Верховного Суда.

Ст. 59. Председатель Верховного Суда, его заместитель, председатели кассационных коллегий, председатель судебной коллегии и председатели военной и военно-транспортной коллегий составляют президиум Верховного Суда, который ведает:

1. По управлению Верховного Суда и состоящих при нём учреждений и должностных лиц:

- а) распределением обязанностей между членами Верховного Суда;
- б) просмотром и утверждением отчётности отдельных коллегий, и составлением отчётности по Верховному Суду.

2. По надзору за судебными местами:

а) назначением специальных ревизий губернских судов и иных приравненных к ним по положению судов по предложениям Прокурора Республики и заслушанием результатов этих ревизий;

б) возбуждением дисциплинарных производств против членов Верховного Суда, председателей губернских судов и равных им судов, их заместителей, как в результате ревизий судов, так и по отдельным сообщениям Прокурора Республики, и наложением дисциплинарных взысканий на них в пределах предоставленной президиуму власти;

в) созывом пленарных заседаний Верховного Суда.

Примечание. На заседаниях президиума обязательно присутствует, с правом совещательного голоса, Помощник Прокурора Республики (Прокурор Верховного Суда), состоящий при Верховном Суде.

Ст. 60. Пленарные заседания Верховного Суда состоят из всех наличных членов Верховного Суда, но не менее половины всего количества членов Верховного Суда, под председательством председателя или его заместителя и при обязательном присутствии Прокурора Республики или Старшего Помощника Прокурора Республики и ведают:

1. Правильным истолкованием законов по вопросам судебной практики, возбуждаемым отдельными коллегиями или отдельным составом судебного заседания той или иной коллегии, или по представлению Президиума Верховного

Суда, Прокурора Республики или его помощника, состоящего при Верховном Суде.

2. Рассмотрением, отменой и изменением приговоров судебных и кассационных коллегий Верховного Суда и любого иного суда республики по предложениям Президиума ВЦИК, Прокурора Республики, Президиума Верховного Суда и по протестам председательствовавших в заседаниях этих коллегий или их прокуроров.

3. Выборами дисциплинарной коллегии Верховного Суда.

4. Рассмотрением всех остальных вопросов, вносимых в пленум Верховного Суда.

Глава X. О составе кассационных и судебных коллегий Верховного Суда.

Ст. 61. Кассационные коллегии действуют под личным наблюдением и руководством председателя Верховного Суда. В качестве непосредственных помощников его по кассационному отделу состоят председатели кассационных коллегий Верховного Суда по уголовным и гражданским делам. Председатель имеет право принять на себя председательствование по любому делу, рассматриваемому в кассационных коллегиях.

Ст. 62. Состав судебного заседания кассационной коллегии определяется в три лица, в том числе один председательствующий и два члена из восьми постоянных членов кассационных коллегий (по четыре на каждую коллегию). При уголовной и гражданской кассационных коллегиях состоят по два помощника прокурора Верховного Суда.

Ст. 63. Заместитель председателя Верховного Суда возглавляет собой всю судебную часть Верховного Суда по делам, разбираемым в Верховном Суде в качестве суда первой инстанции, и имеет в качестве своих непосредственных помощников председателя судебной коллегии и председателей военной и военно-транспортной коллегий Верховного Суда.

Ст. 64. Судебная коллегия состоит из председателя судебной коллегии и четырёх членов судебной коллегии. Судебное заседание происходит в составе трёх лиц, считая председательствующего. Председательствовать в судебной коллегии может и заместитель председателя Верховного Суда. При судебной коллегии состоят два помощника прокурора Верховного Суда.

Ст. 65. Военная и военно-транспортная коллегии каждая состоит из председателя, его заместителя и четырёх членов Верховного Суда. Состав

судебного заседания каждой коллегии определяется также в три лица, в том числе председательствующий и два члена, призываемые в заседания в порядке, устанавливаемом председателем каждой коллегии. При военной и военно-транспортной коллегиях состоят два помощника прокурора Верховного Суда по одному на коллегиям.

Ст. 66. Для судебных коллегий Верховного Трибунала устанавливается единая следственная часть из следователей по важнейшим делам, единый учёт всех следственных дел под наблюдением прокурора Верховного Суда и заместителя председателя, ведающего всей судебной частью Верховного Суда.

Ст. 67. Порядок утверждения и назначения составов, отчётности и надзора за действиями подчинённых военной и военно-транспортной коллегиям местных военных и транспортных судебных учреждений определен ниже особым положением (глава XII).

Ст. 68. Дисциплинарная коллегия Верховного Суда состоит из трёх лиц из числа членов Верховного Суда, в том числе обязательно председательствующий член Президиума, все по избранию пленарного заседания Верховного Суда.

Глава XI. О порядке дисциплинарной ответственности судебных работников.

Ст. 73. Поводами для возбуждения дисциплинарного производства являются:

а) Проступки, поведение или действия судебных работников, хотя бы и не наказуемые уголовными законами, но несовместимые с достоинством и назначением судебных деятелей, имевшие место как при исполнении ими служебных обязанностей, так и вне их.

б) Отмена Верховным Судом ряда приговоров и решений, вынесенных судебными работниками, по несоответствию таковых общему духу законов РСФСР и интересам трудящихся масс.

Ст. 74. В порядке дисциплинарного производства могут быть налагаемы взыскания:

- а) замечание;
- б) выговор;
- в) перемещение и смещение на низшую должность;
- г) отстранение от службы с запрещением работы в судебных должностях на срок. ...

Ст. 84. Дисциплинарная коллегия, если усмотрит в рассматриваемых

деяниях признаки уголовно-наказуемого деяния, обязана, приостановив производство, передать дело по подсудности следственным властям.

Раздел IV.

Глава XII. О специальных судебных учреждениях для рассмотрения дел особых категорий.

Ст. 85. Военные и военно-транспортные судебные учреждения РСФСР, всех союзных и автономных республик действуют под общим контролем и наблюдением Народного Комиссариата Юстиции и Верховного Суда РСФСР. Организация и ближайший надзор за деятельностью военных и военно-транспортных судебных учреждений возлагается на военную и военно-транспортную коллегия Верховного Суда.

Ст. 86. Военные судебные учреждения состоят:

- а) при революционных военных советах военных округов или фронтов - военные трибуналы военного округа или фронта;
- б) при корпусах - военные трибуналы корпуса;
- в) при дивизиях - дивизионные отделы окружных трибуналов.

В военное время или в районах боевых действий могут быть учреждаемы, сверх того, военные трибуналы армий или укрепленного района и отделы корпусного военного трибунала при действующих дивизиях. Количество действующих военных трибуналов как в военное, так и в мирное время определяется всякий раз постановлением Президиума Верховного Суда по представлению военной коллегии Верховного Суда.

Ст. 87. Транспортные трибуналы состоят: в Москве, Петрограде, Харькове, Ростове-на-Дону, Омске, Ташкенте и Смоленске. Ликвидация действующих транспортных трибуналов и учреждение новых производится всякий раз постановлением Президиума Верховного Суда по представлению военно-транспортной коллегии Верховного Суда.

Ст. 88. Военный трибунал округа или фронта состоит из председателя, его заместителя и четырёх членов, представляемых военной коллегией из числа кандидатов, выдвигаемых революционным военным советом округа или фронта или командующим войсками и утверждаемых приказом военной коллегии по соглашению с Революционным Военным Советом Республики. Военный трибунал корпуса состоит из председателя и четырёх членов, утверждаемых военной коллегией Верховного Суда из числа кандидатов, выдвигаемых революционным военным советом округа или фронта. Военный трибунал дивизии

состоит из председателя и его заместителя и четырёх членов, утверждаемых военным трибуналом округа или фронта. ...

Ст. 92. Трудовые сессии народных судов образуются при каждом губернском суде в составе одного постоянного народного судьи и двух постоянных членов суда, одного - по избранию местного губпрофсовета и другого - от местного губернского отдела труда и действуют в том же порядке и по тем же правилам, что и народные суды.

Ст. 93. Кассационное обжалование приговоров трудовой сессии имеет место в обычном порядке в губернский суд, коему принадлежит ближайший надзор и наблюдение за деятельностью трудовых сессий нарсуда. Требования для занятия должности народного судьи, председательствующего в трудовых сессиях, и порядок его назначения и смещения тот же, что и для остальных народных судов губернии.

Ст. 94. Образуемые для разрешения споров о земле и имущественных споров между государственными органами земельные и арбитражные комиссии (декрет от 24 мая 1922 г. - Собр. Узак., 1922, ст. 428, и декрет т 21 сентября 1922 г. - Собр. Узак., 1922, ст. 769), действуют согласно опубликованным о них положениям и в порядке надзора подчиняются Народному Комиссариату Юстиции и его органам: на местах - пленарным заседаниям губернских судов и прокурорскому надзору, в центре - Верховному Суду и Прокурору Республики.

СУ РСФСР. 1922. №36. Ст. 425.

Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР 1923 г. (Извлечение)

Глава II. О подсудности.

Ст. 24. Народный суд рассматривает уголовные дела в составе: а) единоличного народного судьи, б) народного судьи и двух народных заседателей.

Ст. 25. Единоличному народному судье в порядке судебного приказа, подсудны исключительно дела, предусмотренные ст. ст. 81 без литер, I частью 139а, 215 - 227 Уголовного Кодекса.

Все остальные дела, подсудные народному суду, подлежат рассмотрению в составе народного судьи и двух народных заседателей.

Ст. 26. Ведению губернских судов исключительно подлежат дела:

а) о преступлениях государственных, предусмотренных ст. ст. 57 - 73 и 119 Уголовного Кодекса;

б) о преступлениях против порядка управления, предусмотренных ст. ст. 74 - 78, 80, 82 - 86, 89, 91, 92, 95, 2 ч. 97 Уголовного Кодекса;

в) о преступлениях должностных лиц, предусмотренных 2-ми частями ст. ст. 105 - 109, 116 и 117 в тех случаях, если предусмотренные этими статьями действия имели особо тяжёлые последствия, или были совершены должностным лицом в корыстных или иных личных видах, 110 - 112, 2 ч. 113, 2-ми частями ст. ст. 114, 114а и ст. 115 Уголовного Кодекса;

г) об особо тяжких преступлениях, предусмотренных ст. ст. 128, 130, 142 - 145, 147, 148, 160, 161, 166 - 171, 180 п. п. е, ж, з, 183 - 184 и 197.

Примечание. Дела, предусмотренные ст. ст. 126, 132, 133, 134 и 156 Уголовного Кодекса подлежат рассмотрению особых камер народного суда по делам о нарушениях законов о труде (Кодекс Законов о Труде ст. 169).

Ст. 27. Ведению военных трибуналов подлежат все дела: а) о воинских преступлениях, предусмотренных ст. ст. 200 - 214 и о преступлениях, совершенных военнослужащими, предусмотренных ст. ст. 57 - 73, 76, 105 - 117, 2 ч. 97 и 180 п. з, б) о преступлениях, совершенных не военнослужащими, предусмотренных ст. ст. 66, 81д, 130, 180 п. з., если таковые преступления непосредственно угрожали крепости и мощи Красной Армии и в) все дела о преступлениях, совершенных кем бы то ни было, в районах, где нет иных судов, кроме военных трибуналов.

Ст. 28. Ведению военно-транспортных трибуналов подлежат исключительно те дела о преступлениях, подсудных губернским судам, кои связаны с нарушениями правильной деятельности железнодорожного и водного транспорта. Военно-транспортным трибуналам принадлежит право в каждом отдельном случае, признав направленное к ним дело не отвечающим этим признакам, или хотя бы отвечающим, но не содержащим в себе серьёзной угрозы транспорту, направить для рассмотрения в губернский суд.

Ст. 29. Каждое дело подлежит рассмотрению в том суде, в районе которого было совершено преступление; если определить место совершения преступления невозможно, дело подсудно тому суду, в районе которого возбуждено уголовное преследование.

Примечание. В районе деятельности губернских судов границы участков и район подсудности народных судей определяется губернским судом. При этом губернский суд может поручить народному судье одного какого-либо участка рассмотрение всех дел определённой категории, возникающих во всём округе данного губернского суда.

Ст. 30. Дело может быть передано из одного суда в другой такой же суд только в том случае, когда такой передачей может быть достигнуто более беспристрастное и более скорое и при том более полное рассмотрение дела.

Ст. 31. Вопрос о передаче дела из одного народного суда в другой такой же народный суд района того же губернского суда разрешается последним. Вопрос о передаче дела в народный суд другого района или суд другой категории разрешается исключительно Верховным Судом.

Ст. 32. Вопрос о передаче дел из одного губернского суда в другой губернский суд или из губернского суда в военный или военно-транспортный трибунал разрешается Верховным Судом в его Кассационной Коллегии. Вопрос о передаче дела из военного и военно-транспортного трибунала в другой военный и военно-транспортный трибунал или в губернский суд разрешается определением Военной или военно-транспортной Коллегии Верховного Суда по принадлежности.

Ст. 33. Дело, которое вследствие наличия нескольких обвиняемых или по иным основаниям подсудно одновременно двум или нескольким судам одной категории, рассматривается тем судом, в котором было начато дело.

Ст. 34. Дела, по которым предметом обвинения является несколько преступлений, совершенных одним и тем же лицом, но в различных местах, могут быть соединены в одно производство и рассматриваться тем судом, в районе которого было начато дело.

Ст. 35. При наличии в деле обвинения по нескольким преступлениям, или, при наличии нескольких обвиняемых, из которых одно или несколько, или один или несколько подсудны народному суду, а другие подсудны губернскому суду, дело в отношении всех преступлений подсудно губернскому суду.

Ст. 36. При наличии в деле обвинений по нескольким преступлениям, или при наличии нескольких обвиняемых, из которых одно или несколько, или один или несколько подсудны губернскому суду, а другие - военному или военно-транспортному трибуналу, дело в отношении всех преступлений соответственно рассматривается военным или военно-транспортным трибуналом.

Ст. 37. При наличии в деле обвинений по нескольким преступлениям, или при наличии нескольких обвиняемых, из которых одно или несколько, или один или несколько подсудны военному трибуналу, а другие транспортному трибуналу, дело в отношении всех преступлений рассматривается тем трибуналом, в районе которого оно возникло или куда было первоначально направлено.

Ст. 38. При наличии в деле нескольких обвиняемых, из которых один или несколько несовершеннолетних (менее 16 лет), дело в отношении последних должно быть выделено и передано в комиссию о несовершеннолетних.

Ст. 39. Всякий суд, установив, что находящееся в его производстве дело подсудно какому-либо другому такому же суду, может оставить дело в своем производстве только в случаях, если он уже приступил к проверке доказательств на судебном рассмотрении дела или если против этого не последовало возражений от сторон.

Ст. 40. Всякое дело, направленное из одного суда в другой, в порядке вышеизложенных статей, подлежит безусловному принятию к производству тем судом, куда оно направлено, и никакие пререкания по этому поводу между судами не допускаются. Неправильное, по мнению суда, получившего дело, направление дела к нему может быть обжаловано этим судом в высшую инстанцию в порядке надзора, однако, не ранее, чем по вынесении им приговора по этому делу.

Глава III. О составе суда, сторонах и об отводе.

Ст. 41. Судьями могут быть лишь лица, назначенные или избранные в установленном законом порядке. В состав каждого суда по каждому делу не могут входить в качестве судей лица, состоящие родственниками между собой.

Ст. 42. Каждое дело, рассматривающееся в судебном либо в распорядительном заседании, должно быть заслушано в одном и том же составе судей; если кто-либо из судей по какой-либо причине лишен будет возможности продолжить участвовать в заседании, он должен быть заменен другим судьей, и дело должно быть начато слушанием сначала.

Примечание. Если запасный народный заседатель, присутствовавший в зале суда и вступивший на место выбывшего народного заседателя, не требует возобновления судебно-следственных действий, дело продолжается без возобновления.

Ст. 43. судья не может участвовать при рассмотрении дела, как в распорядительном, так и в судебном заседании:

- 1) если он является стороной или родственником какой-либо из сторон;
- 2) если он или его родственник заинтересованы в исходе дела;
- 3) если он участвовал в деле в качестве свидетеля, эксперта, лица, производившего дознание, следователя, обвинителя, защитника или представителя интересов потерпевшего или гражданского истца по этому делу.

Ст. 44. Судья, принимавший участие в постановлении приговора в суде 1-й инстанции, не может участвовать в рассмотрении того же дела нив суде 2-й инстанции, ни при новом рассмотрении этого дела в суде 1-й инстанции вследствие отмены первоначального приговора.

Ст. 45. При наличии поводов, указанных в ст. ст. 41, 43, 44 Уголовно-Процессуального Кодекса, судья сам должен себя устранить от участия в деле; в случае неустранения судья подлежит отводу по заявлению стороны. Кроме того, судья может подлежать отводу в тех случаях, когда стороной указаны будут обстоятельства, вызывающие сомнение в беспристрастности судьи.

Ст. 46. Отвод должен быть заявлен стороной не позже, как при открытии заседания; позднее заявление отвода допускается лишь в тех случаях, когда основание отвода сделалось известным суду или лицу, отводящему после начала судебного следствия.

Ст. 47. Заявленный против судьи отвод разрешается остальными участвующими в деле судьями, в отсутствии отводимого судьи; при равенстве голосов судья считается отведенным.

Ст. 48. Правила изложенные в ст. ст. 43 и 45 Уголовно-Процессуального Кодекса, относятся к секретарю судебного заседания, переводчикам и экспертам, причем, в отношении последних, с тем ограничением, что предыдущее их участие в деле в том же качестве экспертов и переводчиков не может служить основанием к отводу. Отвод разрешается судом, рассматривающим данное дело.

Ст. 49 Правила изложенные в ст. ст. 43 и 45 равно относятся к прокурору. Отвод должен быть заявлен немедленно после того, как стороне сделались известными основания к отводу. Отвод разрешается судом, рассматривающим дело. Однако, если прокурор принимал участие в производстве следствия или дознания по данному делу, или поддерживал обвинение - эти обстоятельства не могут быть основанием для отвода.

Ст. 50. В качестве обвинителя могут участвовать в деле члены Прокуратуры, потерпевший, когда законом ему предоставлено это право, уполномоченные профессиональных союзов, инспектора труда, представители Рабоче-Крестьянской, Технической, Продовольственной, Санитарной и иной Инспекции по делам их ведения. Другие лица могут быть допущены к участию в деле в качестве обвинителя только по особому определению суда. ...

**Конституция СССР 1924 г.
(Извлечение)**

Глава седьмая.

О Верховном Суде Союза Советских Социалистических Республик.

43. В целях утверждения революционной законности на территории Союза Советских Социалистических Республик при Центральном Исполнительном Комитете Союза Советских Социалистических Республик учреждается Верховный Суд, к компетенции которого относятся:

а) дача Верховным Судам союзных республик руководящих разъяснений по вопросам общесоюзного законодательства;

б) рассмотрение и опротестование перед Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик по представлению прокурора Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик постановлений, решений и приговоров Верховных Судов союзных республик по соображениям противоречия таковых общесоюзному законодательству, или поскольку ими затрагиваются интересы других республик;

в) дача заключений по требованию Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о законности тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции;

г) разрешение судебных споров между союзными республиками;

д) рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц Союза в преступлениях по должности.

44. Верховный Суд Союза Советских Социалистических Республик действует в составе:

а) пленарного заседания Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик;

б) гражданско-судебной и уголовно-судебной коллегий Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик;

в) военной и военно-транспортной коллегий.

45. Верховный Суд Союза Советских Социалистических Республик в составе его пленарного заседания образуется из 11 членов, в том числе председателя и его заместителя, 4 председателей пленарных заседаний Верховных Судов союзных республик и одного представителя Объединенного государственного политического управления Союза Советских Социалистических Республик, причем председатель и его заместитель и остальные пять членов

назначаются Президиумом Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик. ...

47. Право направления указанных в ст. 43 вопросов на рассмотрение пленарного заседания Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик может иметь место исключительно по инициативе Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, его Президиума, прокурора Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик, прокуроров союзных республик и Объединенного государственного политического управления Союза Советских Социалистических Республик.

48. Пленарные заседания Верховного Суда Союза образуют специальные судебные присутствия (составы) для рассмотрения:

- а) уголовных и гражданских дел исключительной важности, затрагивающих по своему содержанию две или несколько союзных республик, и
- б) дел персональной подсудности Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик.

Принятие Верховным Судом Союза Советских Социалистических Республик к своему производству этих дел может иметь место исключительно по особым на каждый раз постановлениям Центрального Исполнительного Комитета Союза или его Президиума. ...

*Основной Закон (Конституция)
Союза Советских Социалистических Республик.
М., 1924.*

Конституция СССР 1936 г. (Извлечение)

Глава IX. Суд и прокуратура.

Статья 102. Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами.

Статья 103. Рассмотрение дел во всех случаях осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом.

Статья 104. Верховный Суд СССР является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик.

Статья 105. Верховный Суд СССР и специальные суды СССР избираются Верховным Советом СССР сроком на пять лет.

Статья 106. Верховные Суды союзных республик избираются Верховными Советами союзных республик сроком на пять лет.

Статья 107. Верховные Суды автономных республик избираются Верховными Советами автономных республик сроком на пять лет.

Статья 108. Краевые и областные суды, суды автономных областей, окружные суды избираются краевыми, областными или окружными Советами депутатов трудящихся или Советами депутатов трудящихся автономных областей сроком на пять лет.

Статья 109. Народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании сроком на три года.

Статья 110. Судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать в суде на родном языке.

Статья 111. Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту.

Статья 112. Судьи независимы и подчиняются только закону.

Статья 113. Высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на Прокурора СССР.

Статья 114. Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на семь лет.

Статья 115. Республиканские, краевые, областные прокуроры, а также прокуроры автономных республик и автономных областей назначаются Прокурором СССР сроком на пять лет.

Статья 116. Окружные, районные и городские прокуроры назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет.

Статья 117. Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР.

*Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК.
1936. №283. 6 декабря*

Закон СССР «О судеустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик» 1938 г.

(Извлечение)

I. Общие положения

Статья 1. В соответствии со ст. 102 Конституции СССР правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами.

Статья 2. Правосудие в СССР имеет своей задачей защиту от всяких посягательств:

а) установленного Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик общественного и государственного устройства СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности;

б) политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и интересов граждан СССР, гарантированных Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик;

в) прав и охраняемых законом интересов государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций.

Правосудие в СССР имеет своей задачей обеспечение точного и неуклонного исполнения советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР.

Статья 3. Советский суд, применяя меры уголовного наказания, не только карает преступников, но также имеет своей целью исправление и перевоспитание преступников.

Всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития.

Статья 4. Указанные в ст. 2 настоящего закона задачи суды в СССР осуществляют путем:

а) разбирательства в судебных заседаниях уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к изменникам родины, вредителям, расхитителям социалистической собственности и другим врагам народа, а также к грабителям, ворам, хулиганам и иным преступникам;

б) разбирательства и разрешения в судебных заседаниях дел по спорам, затрагивающим права и интересы граждан, государственных учреждений, предприятий, колхозов и других общественных организаций.

Статья 5. Правосудие в СССР осуществляется на началах:

а) единого и равного для всех граждан суда независимо от социального, имущественного и служебного положения граждан, их национальной и расовой принадлежности;

б) единого и обязательного для всех судов уголовного, гражданского и процессуального законодательства СССР.

Статья 6. Судьи независимы и подчиняются только закону (ст. 112 Конституции СССР).

7. В соответствии со ст. 110 Конституции СССР судопроизводства в СССР ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

Статья 8. В соответствии со ст. 111 Конституции СССР разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту.

Статья 9. В соответствии со ст. 103 Конституции СССР рассмотрение дел во всех судах СССР осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом.

Статья 10. В соответствии со ст. ст. 105, 106, 107, 108 и 109 Конституции СССР суды в СССР образуются на началах выборности, в порядке, установленном настоящим законом.

Статья 11. Судьями и народными заседателями могут быть все граждане, пользующиеся избирательными правами.

Статья 12. Народные заседатели призываются к исполнению своих обязанностей в судах в порядке очередности по списку не более чем на десять дней в году, кроме случаев, когда продление этого срока вызывается необходимостью участия народных заседателей в рассмотрении судебного дела. Во время исполнения своих обязанностей в суде народные заседатели пользуются всеми правами судьи.

Статья 13. За народными заседателями из числа рабочих и служащих на все время исполнения ими обязанностей в суде сохраняется их заработная плата...

Статья 14. Рассмотрение дел во всех судах осуществляется в составе судьи и двух народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом, когда это разбирательство осуществляется тремя членами суда.

Статья 15. Приговоры, решения и определения всех судов, кроме Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик, могут быть в установленном законом порядке обжалованы осужденными, их защитниками, истцами, ответчиками и представителями их интересов или опротестованы прокурором в вышестоящий суд.

При рассмотрении жалоб и протестов вышестоящий суд по имеющимся в деле и представленным сторонами материалам проверяет законность и обоснованность вынесенного нижестоящим судом приговора или решения.

Статья 16. Судебные приговоры, решения и определения, вступившие в законную силу, могут быть опротестованы лишь Прокурором СССР или прокурором союзной республики, Председателем Верховного Суда СССР и Председателем

Верховного Суда союзной республики в соответствии со ст. ст. 51, 64, 74 настоящего закона.

II. Народный суд

Статья 21. Народный суд рассматривает:

а) уголовные дела —

о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства граждан — об убийствах, нанесении телесных повреждений, производстве незаконных аборт, незаконном лишении свободы, изнасиловании, злостном неплатеже алиментов, оскорблении, хулиганстве, клевете;

об имущественных преступлениях — разбое, грабеже, кражах, мошенничестве, вымогательстве;

о служебных преступлениях должностных лиц — злоупотреблении властью, превышении власти, бездействии власти, растратах, бесхозяйственности, подлогах, обвешивании и обмеривании, превышении цен;

о преступлениях против порядка управления — нарушении избирательного закона, злостном неплатеже установленных законом налогов и сборов, отказе от выполнения государственных поставок и повинностей, уклонении от призыва и от обязанностей военной службы, нарушении законных распоряжений органов власти;

б) гражданские дела —

по искам об имуществе,

по искам, связанным с нарушением законов о труде,

по искам об уплате алиментов,

по искам о наследстве и другие уголовные и гражданские дела, отнесенные законом к его ведению.

Статья 22. На основании ст. 109 Конституции СССР народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании сроком на три года.

III. Краевой, областной, окружной суд и суд автономной области

Статья 30. В соответствии со ст. 108 Конституции СССР краевой, областной, окружной суд и суд автономной области избирается краевым, областным, окружным Советом депутатов трудящихся или Советом депутатов трудящихся автономной области сроком на пять лет.

Статья 31. Краевой, областной, окружной суд и суд автономной области состоит из председателя, заместителей председателя, членов суда и народных заседателей, призываемых для участия в рассмотрении судебных дел.

Статья 32. Краевой, областной, окружной суд и суд автономной области рассматривают отнесенные законом к их ведению уголовные дела о контрреволюционных преступлениях, об особо опасных преступлениях против государственного управления, о хищениях социалистической собственности, об особо важных должностных и хозяйственных преступлениях, а также отнесенные законом к их ведению гражданские дела по спорам между государственными и общественными учреждениями, предприятиями и организациями.

Краевой, областной, окружной суд и суд автономной области рассматривают, кроме того, жалобы и протесты на приговоры, решения и определения народных судов.

Статья 33. В составе краевого, областного, окружного суда и суда автономной области действуют:

а) судебная коллегия по уголовным делам — для рассмотрения уголовных дел, подсудных краевому, областному, окружному суду и суду автономной области, а также для рассмотрения жалоб и протестов на приговоры и определения народных судов;

б) судебная коллегия по гражданским делам — для рассмотрения гражданских дел, подсудных краевому, областному, окружному суду и суду автономной области, а также для рассмотрения жалоб и протестов на решения и определения народных судов.

IV. Верховный Суд автономной республики

Статья 38. В соответствии со ст. 107 Конституции СССР Верховный Суд автономной республики избирается Верховным Советом автономной республики сроком на пять лет.

Статья 39. Верховный Суд автономной республики состоит из председателя, заместителей председателя, членов суда и народных заседателей, призываемых к участию в рассмотрении судебных дел.

Статья 43. Судебные коллегии Верховного Суда автономной республики рассматривают жалобы и протесты на приговоры, решения и определения народных судов в составе трех членов Верховного Суда автономной республики.

V. Верховный Суд союзной республики

Статья 45. Верховный Суд союзной республики является высшим судебным органом союзной республики. На Верховный Суд союзной республики возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов союзной республики, автономных республик, краев, областей и округов, входящих в состав данной союзной республики.

Статья 47. Верховный Суд союзной республики состоит из председателя, заместителей председателя, членов суда и народных заседателей, призываемых к участию в рассмотрении судебных дел.

Статья 48. Верховный Суд союзной республики действует в составе:

а) судебной коллегии по уголовным делам для рассмотрения уголовных дел, отнесенных законом к ведению Верховного Суда союзной республики, а также для рассмотрения жалоб и протестов на приговоры и определения краевых, областных и других судов союзной республики;

б) судебной коллегии по гражданским делам для рассмотрения гражданских дел, отнесенных законом к ведению Верховного Суда союзной республики, а также для рассмотрения жалоб и протестов на решения и определения краевых, областных и других судов союзной республики.

Статья 51. Верховный Суд союзной республики осуществляет надзор за судебной деятельностью судов республики путем:

а) рассмотрения протестов Прокурора СССР, прокурора союзной республики, Председателя Верховного Суда СССР, председателя Верховного Суда союзной республики на приговоры, решения и определения, вступившие в законную силу...

VI. Специальные суды СССР

Статья 53. На основании ст. 102 Конституции СССР действуют специальные суды СССР:

- а) военные трибуналы;
- б) линейные суды железнодорожного транспорта;
- в) линейные суды водного транспорта.

Статья 54. В соответствии со ст. 105 Конституции СССР председатель, заместители председателя, члены специальных судов СССР избираются Верховным Советом СССР сроком на пять лет.

Статья 55. Для участия в судебных заседаниях военных трибуналов, линейных судов железнодорожного и водного транспорта привлекаются народные заседатели, избираемые краевыми и областными Советами депутатов трудящихся и Верховными Советами союзных и автономных республик.

Статья 56. Военные трибуналы, линейные суды железнодорожного и водного транспорта рассматривают дела в составе председательствующего — председателя или члена суда и двух народных заседателей, кроме случаев, когда по закону дела рассматриваются в составе трех членов соответствующего суда.

VII. Верховный Суд СССР

Статья 63. В соответствии со ст. ст. 104 и 105 Конституции СССР Верховный Суд СССР является высшим судебным органом и избирается сроком на 5 лет.

На Верховный Суд СССР возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик. ...

Ведомости Верховного Совета СССР, 1938, № 11.

Литература

- Берман Я. Л. Очерки по истории судопроизводства РСФСР. М., 1923.,
- Бернштам М. Стороны в гражданской войне. 1917 - 1922. М., 1992.
- Бранденбургский Я. Революционная законность, прокуратура и адвокатура. // Советское право. М., 1922.

- Бухарин Н. И. Экономика переходного времени. М., 1920.
- Вышинский А. Я. Социалистическое строительство, социалистическая законность и задачи советской юстиции. М., 1935.
- Вышинский А. Я. Речь товарища Сталина 4 мая и задачи советской юстиции. М., 1935.
- Голунский С. А., Карев Д. С. Учебник по судоустройству. М., 1939.
- Городецкий Е. Н. Рождение советского государства. М., 1965.
- Добровольская Т. Верховный Суд СССР. М., 1964.
- Карев Д. С. Советское судоустройство. М., 1966.
- Кожевников М. В. История советского суда. М., 1956.
- Крыленко Н. В. Судоустройство РСФСР: лекции по теории и истории судоустройства. М., 1924.
- Курицын В. М. Становление социалистической законности. М., 1983.
- Лёзов И. Л. Становление судебной системы советского государства. М., 2002.
- Мартинovich И. И. История суда в Белорусской ССР. (1917 - 1960 гг.) Минск, 1961.
- Московский областной суд. 1922 - 1925. М., 1999.
- Московский областной суд. 1926 - 1928. М., 1999.
- Новицкая Т.Е. Кодификация гражданского права в Советской России. 1920 – 1922. М., 1989.
- Пащуканис Е. Б. Марксистская теория права и строительство социализма. // Революция права. М., 1927. № 3.
- Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России. М., 1990.
- Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л., 1925.
- Рогожин А. И. Очерк истории социалистической законности УССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Харьков, 1963.
- Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2000.
- Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1953.
- Стучка П. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931.
- Стучка П. Три этапа советского права. // Революция права. М., 1927. № 4.

Титов Ю. П. Осуществление советским социалистическим государством функции подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов внутри страны в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. (1921 - 1925 гг.) М., 1955. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук.

Титов Ю. П. Создание системы советских революционных трибуналов. М., 1983.

Титов Ю. П. Развитие системы советских революционных трибуналов. М., 1987.

Трайнин А. 10 лет советского уголовного законодательства. // Право и жизнь. М., 1927. № 8-10.

Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. М., 1993.

Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970.

Solomon P. Soviet criminologists and criminal policy. N-I., 1958.